

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 23

2022

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация	
Васильев А.А., Зеленин Ю.А. «ПРАВДА» И «ЗАКОН» В РОССИЙСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ: КОНСЕРВАТИВНЫЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ	5
Беденков В.В., Мукова М.А. О ФОРМИРОВАНИИ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПУТЯХ ЕГО УКРЕПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИУМАХ РОССИИ И БОЛГАРИИ	11
Юридическая техника	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ТЕКСТАХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН	18
Юридическая герменевтика	
Сорокин В.В., Стоилов Я. О СУБОРДИНАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА ПРИ ТОЛКОВАНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ	23
Лингвоэкспертология	
Грачев М.А. ПОЯВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ТАТУИРОВОК В РОССИИ	27
Новгородова Е.В. ЛИНГВОПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР ЭЛЕКТРОННОГО ПИСЬМА (ИЗ ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)	31
Речевые правонарушения	
Флоря А.В. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОСКОРБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСЕМА «ХАЧ»	37
Баранов В.Е., Овчаров В.Р., Мананников А.С. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ СО ВРЕМЕН ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО 1996 ГОДА	44

CONTENTS

Legal Communication	
<i>Vasiliev, A., Zelenin, Yu.</i> "TRUTH" AND "LAW" IN RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS: CONSERVATIVE AND THEOLOGICAL MOTIVES	5
<i>Bedenkov, V., Mukova, L.</i> ON THE FORMATION OF COMMON LEGAL CONSCIOUSNESS AND WAYS OF ITS STRENGTHENING IN THE MODERN SOCIETY OF RUSSIA AND BULGARIA	11
Legal Techniques	
<i>Golovinov, A., Golovinova, Yu.</i> THE ESSENCE AND CONTENT OF THE PRINCIPLE OF GENDER EQUALITY IN THE TEXTS OF NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE SCANDINAVIAN COUNTRIES	18
Legal hermeneutics	
<i>Sorokin, V.</i> PRINCIPLES OF LEGAL RESPONSIBILITY: NEW CRITERIA FOR CLASSIFICATION AND SUBORDINATION	23
Linguoexpertology	
<i>Grachev, M.</i> THE EMERGENCE AND EVOLUTION OF CRIMINAL TATTOOS IN RUSSIA	27
<i>Novgorodova, E.</i> THE LINGUISTIC AND LEGAL NATURE OF THE EMAIL (FROM THE PRACTICE OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE)	31
Speech Offenses	
<i>Florya, A.</i> IS THE LEXEME "KHACH" OFFENSIVE?	37
<i>Baranov, V., Ovcharov, V., Manannikov, A.</i> THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR DISCLOSURE OF STATE SECRETS FROM THE TIME OF ANCIENT RUS TO 1996	44

«Правда» и «закон» в российском правосознании: консервативные и теологические мотивы¹

А.А. Васильев¹, Ю.А. Зеленин²

^{1,2}*Алтайский государственный университет*

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru; ²uri-zelenin@yandex.ru

В статье анализируется проблема соотношения категорий «правда» и «закон» в российском правосознании. Авторы делают акцент на исследовании данного вопроса преимущественно на примере русской консервативной мысли, обосновывая это тем, что из всех теорий правопонимания лишь консервативная правовая идеология смогла выразить традиционное для российского правосознания восприятие права. Именно консервативные правоведы обратили внимание на то, что сущность права в русской культуре определяется традиционным мировоззрением, сформировавшимся еще в V-IX вв. и продолжающим доминировать в настоящее время. Отмечается, что традиционное российское правосознание, в отличие от европейского, характеризуется такими чертами, как синкретичное единство религиозных, нравственных и правовых принципов, объединяемых идеалом Правды; преобладание внутренней, совестной стороны над внешней, формально-юридической стороной права; отсутствие ощутимого влияния римского права на русскую правовую традицию вплоть до начала XX в.; приоритет идеалов соборности, социального служения и обязанностей; преобладание обычного, неписаного права, выражающего народные идеалы правды, совести, справедливости. Опираясь на труды Илариона, И.С. Пересветова, И.Т. Посошкова, А.С. Хомякова, И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. Кириевского, И.А. Ильина, А.И. Солженицына, они приходят к выводу, что традиция различения права и закона, правды (благодати, совести) и формальной юриспруденции глубоко укоренена в русской национальной культуре. Однако неповиновение внешнему, положительному праву оправдывалось консерваторами только при условии духа права – обеспечения религиозно-нравственной правды. Тем более что следование только «букве закона» приводит в конкретных юридических ситуациях к несправедливому и безнравственному правовому решению.

Ключевые слова: право, правда, закон, дух права, консерватизм.

"Truth" and "Law" in Russian Legal Consciousness: Conservative and Theological Motives

A.A. Vasiliev¹, Yu.A. Zelenin²

^{1,2}*Altai State University*

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru; ²uri-zelenin@yandex.ru

The article analyses the problem of correlation between the categories of "truth" and "law" in Russian legal consciousness. The authors focus on the study of this issue mainly on the example of Russian conservative thought, justifying it by the fact that of all the theories of legal understanding only conservative legal ideology was able to express the traditional perception of law for the Russian legal consciousness. It was conservative legal scholars who drew attention to the fact that the essence of law in Russian culture is determined by the traditional worldview, which was formed back in the V-IX centuries and continues to dominate at present. It is noted that traditionally Russian legal consciousness in contrast to the European is characterized by such features as syncretistic unity of religious, moral and legal principles, united by the ideal of Pravda; the prevalence of internal, conscientious over external, formal legal side of law; lack of tangible influence of Roman law on the Russian legal tradition to the beginning of XX century. The priority of the ideals of collegiality, social service and duties; the prevalence of customary, unwritten law, expressing the people's ideals of truth, conscience, and justice. Based on the works

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 "Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность".

of Hilarion, I.S. Peresvetov, I.T. Pososhkov, A.S. Khomyakov, I.S. and K.S. Aksakovs, I.V. Kirievsky, I.A. Ilyin, A.I. Solzhenitsyn, they come to the conclusion that the tradition of distinguishing law and law, pravda (grace, conscience) and formal jurisprudence is deeply rooted in Russian national culture. However, disobedience to external, positive law was justified by conservatives only under the condition of the spirit of law - the provision of religious and moral pravda. Moreover, following the "letter of the law" only leads in specific legal situations to an unjust and immoral legal solution.

Key words: law, truth, positive law, spirit of law, conservatism.

Консерваторы справедливо указывали на уникальность не только русской духовной культуры, но и восприятия русским народом права. В XIX в. И.В. Киреевский точно заметил: «Даже самое слово право было у нас неизвестно в западном смысле, но означало только справедливость, правду» [Киреевский 2007: 335]. Как показали результаты современных исследователей, консерваторы были правы в том, что право в русском сознании связывается с нравственностью, правдой, справедливостью, а не с государством, установленными юридическими правилами поведения [Сорокин 2006]. Фактически из всех теорий правопонимания лишь консервативная правовая идеология смогла выразить традиционное для российского правосознания восприятие права.

К примеру, авторитетный российский специалист по русскому юридическому языку Т.В. Губаева проводит сравнение представлений о праве у европейских народов и славян и замечает: «У христианских народов Европы полностью совпадает словесное обозначение правой стороны тела и права как совокупности юридических норм или эти слова имеют одно значение. Согласно традиционным воззрениям за правым плечом пребывает светлый ангел, за левым – демон... Однако задолго до этого, еще в языческие времена, славянам было известно близкое по содержанию понятие святости, выраженное архаическим корневым элементом svet – процветающий. Так обозначали возрастание, набухание, вспухание, существенное увеличение объема либо иных физических параметров, воспринимавшихся как результат действия особой жизненной силы... Впоследствии идея святости соединилась с христианским образом «всеединства сущего» – Истины, Красоты и Добра... Эти представления, составившие основу всей духовной культуры русской нации, были сформированы в общественном сознании уже к середине XI в. и сосредоточены в главном мировоззренческом концепте «святой правды», или «правды-истины» как особой жизненной позиции и высшим нравственным идеалом поведения» [Губаева 2007: 18-20].

Консервативные правоведы России обратили внимание на то, что сущность права в русской культуре определяется традиционным мировоззрением, формировавшимся еще в V-IX вв. и продолжающим превалировать в XX и XXI вв. Традиционное мировоззрение русского народа, очевидно, отличалось от европейского правосознания рядом черт:

- глубокое, синтетическое, синкретичное единство религиозных, нравственных и правовых принципов, объединяемых идеалом Правды;

- преобладание внутренней, совестной стороны в переживании правды над внешней, формально-юридической стороной права;

- отсутствие ощутимого влияния римского права на русскую правовую традицию вплоть до начала XX в. (лишь отдельные нормы и институты проникали в русское право через византийское право и то лишь в области церковного права). Так, В.А. Томсинов, анализируя влияние византийской традиции на русское право, констатирует: «... степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной. Ее черты определялись в большей мере условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси, особенностями общественного сознания русского народа» [Томсинов 2009: 26];

- приоритет идеалов соборности, социального служения и обязанностей, отчасти обусловленных отсутствием частной собственности вплоть до конца XX в., господством крестьянской общины и хозяйства, служением всех сословий государству;

- преобладание обычного, неписаного права, выражающего народные идеалы правды, совести, справедливости.

Нравственность, справедливость или, по словам консерваторов, «внутренняя правда», «совесть», «внутренний закон», «интуитивное право» преобладают в русском сознании над законом, юридическими нормами – внешней правдой. Консерваторы не смешивают нравственные идеалы и формальное, государством установленное право. По их мнению, внутренняя правда, живущая в сознании русского человека, — это высшие духовные ценности, которым человек покоряется по зову сердца и совести без внешнего принуждения со стороны государства. Идеал для консерваторов состоит в нравственном возвышении души человека по православным заповедям любви к людям, а не обеспечении собственной свободы при помощи государственного закона. В начале XVIII в. в «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошков отмечал: «Паче вещественного богатства надлежит всем нам вместе пещься о невестественно богатстве, то есть об истинной правде; правде – отец Бог, и правда умножает богатство и славу, и от смерти избавляет; а неправде отец дьявол, и неправда не только обогащает, но и древнее богатство умаляет, и в нищету приводит, и смерть наводит» [Посошков 1842: 26].

Для охранителей важно состояние человеческой души, а не внешнее соблюдение закона. Православное учение консерваторов исходит из постулата о том, что в своем духовном мире человек делает выбор в пользу добра или зла. Его поведение – результат нравственного выбора. Поэтому консерваторы смотрят в корень – душу человека, его нравственное состояние, а не только на внешние последствия человеческого поведения.

К.С. Аксаков по этому поводу писал: «Закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе

не заботясь, нравственный ли сам человек, и откуда истекает его поступок. Его цель – устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства» [Аксаков 1889: 56].

Иными словами, внешней правде безразлично состояние души человека, единственное, что необходимо от человека – соблюдение закона. Мотивы подчинения закону для внешней правды не имеют никакого значения – из-за страха перед наказанием, боязни общественного суждения и т. п. По этой причине соответствующим законом является конформистское и маргинальное поведение, а также те поступки человека, которые социально вредны, но допустимы (курение, употребление алкоголя и т. п.). Человек может быть внутренне безнравственным, хотя и действующим в соответствии с юридическими нормами. Как только ослабевает контроль в отношении такого человека, его порочная душа вырывается на волю в виде нарушений права.

Для консерваторов немыслимо, чтобы жизнь человека зависела от действия принудительного закона. Формализм и принудительность разрушают естественность и органичность общественного мира. Не может система принудительных правил быть идеалом порядка в обществе. Общество, основанное на принуждении людей к добру, очень хрупко и может рухнуть под гнетом порока и зла. Власть и общество, равнодушные к нравственности, недолговечны и, рано или поздно, разрушаются. Традиционалистские мыслители призывали к нравственному совершенствованию человека, духовному лечению общественных недугов, помочь которым принуждение и законы бессильны. Закон слаб в смысле нравственного воспитания человека и всегда борется с имеющимися последствиями преступления. Нравственность человека самоограничивает и возвышает его над миром тлена и зла. По словам П.И. Новгородцева, писавшего о фундаментальных основах русской философии права, «высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигнутое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека» [Новгородцев 1998: 510].

Из традиционалистской концепции права вытекают два не потерявших значения до нашего времени вывода. Во-первых, русская культура отдает приоритет внутренней правде – нравственным идеалам, а закону (внешней правде) придает подчиненное положение. Во-вторых, из учения консерваторов вытекает удивительно верная мысль о том, что нравственной личности нет надобности в формальном законе. Поэтому духовно добродетельные люди отвергают какое-либо значение закона в своей жизни, не видят в нем ценности. Закон создан для духовно слабых людей, не способных жить по нравственным заветам добра и справедливости. Этим людям закон удерживает от совершения зла другим членам общества. Вследствие чего консерваторы отводят внешней правде роль борьбы со злом безнравственных людей, но не самодовлеющего принципа общественной жизни.

Превращение закона в превалирующий социальный регулятор консерваторами рассматривалось как признак деградации общественной нравственности, социальной аномалии, поскольку единственным средством сдерживания зла и преступлений становится сила государственного принуждения. Однако такое социальное устройство обречено на тотальную подозрительность, взаимное недоверие, контроль и вырождение. Более того, при ослаблении контроля со стороны власти общество поражает язва преступности и насилия. Наконец, объективно невозможно обеспечить тотальный контроль за поведением человека.

Отечественные консерваторы видели альтернативу в построении общества с опорой на религиозные и нравственные традиции, свободно принимаемые совестью человека. При таком подходе путь оздоровления общества лежит в сфере воспитания, нравственного развития личности, общественной и государственной заботе о культуре и нравственном здоровье граждан. Закону же уготована роль крайнего средства в борьбе с безнравственностью людей, где уже не срабатывает совесть и религиозно-нравственные требования.

К примеру, А.И. Солженицын идеальный общественный строй связывал не с совершенствованием общественных и государственных институтов, а с укоренением в национальном самосознании, и даже сознании всего человечества христианской идеи самоограничения – свободного, добровольного ограничения своих потребностей и желаний ради совместной, соборной жизни. Другого пути у человечества для выживания и самосохранения нет, поскольку идея индивидуализма и прав человека постепенно приведет к социальной и природной катастрофе. А.И. Солженицын так сформулировал принцип совершенной личности и идеального общества: «Права человека» – это очень хорошо, но как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счет прав других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти – каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы. Большинство, если имеет власть расширяться и хватать – то именно так и делает. (Это и губило все правящие классы и группы истории.) Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений – но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости» [Солженицын 1995: 568].

Традиция различения права и закона, правды (благодати, совести) и формальной юриспруденции глубоко укоренена в русской национальной культуре. Испокон веков идеалом русской культуры выступала идея правды – нравственного развития личности. Так, еще в XI в. Киевский митрополит Иларион различал закон и благодать (истину, веру, правду). В соотношении Закона и Благодати проявляется традиционное для русского мировоззрения противопоставление закона и справедливости, правды. Закон обеспечивает принудительное подчинение религиозно-нравственным императивам, а Благодать воспринимается свободной совестью человека добровольно. Однако закон ценен для нравственно слабых людей, которые удерживаются от зла. Иларион подчеркивает традиционный смысл закона как религиозного, писаного канона, который принуждает человека к соблюдению веры

страхом перед возможным наказанием. По словам Илариона «Бог положил Закон на предуготовление истине и Благодати; да обвыкнет в нем человеческое естество, от многобожия идольского уклоняясь, в единого Бога верить. Как сосуд скверный, омовенный водой да примет человечество Законом и обрезанием млеко Благодати и крещения; Ибо Закон предтечей стал и слугой Благодати и Истине, истина же и Благодать – слуга веку будущему, жизни нетленной. Как Закон приводил подзаконных к благодетельному крещению, так крещение сынов своих впускает в вечную жизнь. Ведь Моисей и пророки поведали о Христовом пришествии поведали, а Христос и апостолы его – о воскресении и о будущем веке» [Иларион 2005: 5]. *В трактовке Илариона закон был необходим для того, чтобы люди, отвергнув языческих Богов, постепенно путем внешнего исполнения заветов Священного Писания усмирили свой дух для принятия высшей истины – Благодати. Закон (Ветхий Завет) требовал формального следования заветам божественной истины, за что и влек внешние наказания. Но высшее состояние общества и духа по Илариону – это свободное принятие христианских начал любви, свободы, сострадания и жертвенности, т.е. приятие правды, благодати духа.*

Российские традиционалисты выступали против формального следования закону, которое обесценивает смысл, дух права – правды. Действие права означает не слепое и бездумное воплощение в жизнь буквы закона, ритуалов и процедур, а осуществление духа права, правды. В этом контексте интересно сопоставление веры-обряда и веры-правды, истины И.С. Пересветовым, мыслителем XVI в. В уста молдавскому воеводе Петру по поводу Москвы И.С. Пересветов вкладывает следующие слова: «"А есть ли в этом царстве правда?" А служи у него москвитянин Васья Мерцалов, и он спросил того: "Все ты знаешь о царстве том Московском, скажи мне истинно!" И стал тот говорить Петру, молдавскому воеводе: "Вера, государь, христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет". Тогда Петр, молдавский воевода, заплакал и так сказал: "Коли правды нет, так ничего нет... Христос есть истинная правда, ярче солнца освящает он всю небесную высоту и земную ширину и бесчисленные глубины преисподние. Поклонились ему все племена небесные, земные и преисподние, все восхвалили и восславили имя его святое, ибо свят Господь наш Бог, силен и крепок, и бессмертен, велик христианский Бог, и чудесны дела его, долготерпелив и многомилостив. В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимается Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в божественном Писании. Богу правда – сердечная радость, а царю – великая мудрость и сила"» [Пересветов 1956: 124].

Соотношение нравственности и формального права (государственного закона), традиционное для русской политико-правовой мысли, основывается на следующих началах.

1. Необходимость следования нравственной добродетели вытекает из православного идеала единства и любви людей, свободно принимающего единые нравственные и юридические предписания. Закон же основан исключительно на авторитете власти и возможном применении принуждения к нарушителям. Так, А.С. Хомяков писал: «Русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащей чувству любви» [Хомяков 1900: 164].

2. Внутренняя правда обращена к духовному миру человека, а внешняя правда имеет дело преимущественно с поступками человека, следствием нравственных идеалов личности.

3. Внутренняя правда выражается в самоограничении человека, несении им моральных обязанностей перед обществом, долге. Внешняя правда выражается в правах и обязанностях, навязанных извне человеку государственной властью. А.С. Хомяков заметил: «Для того чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не закона внешнего, который опять нечто иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права» [Хомяков 2008: 560].

4. Мерило поведения с точки зрения внутренней правды – человеческая совесть, которая внутренне подчиняет волю человека нравственным идеалам и тем самым приводит к совершению поступков по доброй воле, а не внешней необходимости. Внешняя правда, напротив, безразлична к вопросам нравственного выбора, и ее реализация всецело зависит от механизма государственного принуждения. Для консерваторов покорность, даваемая силой государства, – ложь, духовный обман. Принуждение умерщвляет внутреннюю свободу и выбор человека. Человек, подчиненный закону, духовно не свободен – он не делает осознанного нравственного выбора.

5. Внутренняя правда – духовно-нравственный регулятор поведения для нравственных людей, способных испытать муки совести. Внешний же закон создан для недопущения и борьбы со злом порочных людей, не способных услышать голос совести в своей груди.

Соотношение права и нравственности в трактовке консерваторов верно выразил о. Г. Флоровский: «Если для человеческого поведения единственным и решающим регулятивом служит им воспринимаемая норма религиозного или нравственного закона, которая непосредственно внушает образ действия в каждом отдельном случае, – то сама собою отпадает юридическая регламентация жизни общеобязательными законами и постановлениями» [Флоровский 1998: 40].

Совестное переживание права обеспечивает жизнь духа, смысла Права, гарантирует порядок, мир, справедливость без затрат государственного механизма и применения всегда негативного узаконенного насилия к правонарушителям. Совестный акт в сфере права означает соотнесение поступков человека с высшими, нравственно-правовыми императивами, когда действие определяется не одним только разумом и чувством пользы, но и внутренним чувством – интуицией, озарением, действием гласа Божия в человеке. В.В. Сорокин так описал механизм действия совести в правовой сфере: «Совесть есть внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего полицейского понуждения. Совесть является особой формой

выражения таких основополагающих понятий православного христианства, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолубие, справедливость... Как внутреннее Божественное состояние, совесть неподкупна, с ней нельзя договориться. После совершения дурного дела, совесть немедленно мучает и карает человека, преступившего правовой запрет. Добрая совесть – глаз Божий, говорится в русской пословице» [Сорокин 2009: 3].

Конечно, легко упрекнуть консерваторов в нравственном идеализме, как это делал, к примеру, Н.В. Устрялов в отношении славянофилов. Действительно трудно представить себе нравственно сильную личность, вписывающуюся в идеалы консерваторов. Однако еще более ущербно полагаться на закон и меры полицейского контроля в обеспечении общественного мира и порядка. На наш взгляд, верно консерваторы связывали общественный идеал с духовно-нравственным состоянием человека, который не мечом государственным, а своим нравственным долгом заботится об общественном благе, жертвуя собой ради других. Дальновидность консервативной концепции права подтверждается парадоксальной тенденцией в развитии права в современную эпоху – при росте юридического начала в жизни общества преступность не только не снижается, а продолжает расти. Наличие государственного контроля и суровых мер наказания не ведет напрямую к обеспечению порядка и правомерному поведению. По словам В.В. Сорокина, «после отрицания Бога как источника Права, когда личность принимает самодостаточное значение, нравственный идеал получает характер субъективного, преходящего социального фактора. Для того чтобы обуздать все возрастающую гордыню «нового человека», видящего в самом себе и цель, и смысл исторического развития, приходится прибегать к сдерживающим элементам (формально-определенному закону), которые в обществе христиан тоже существуют, но играют менее значимую роль» [Сорокин 2007: 112].

С непреложной необходимостью нравственный идеал консерваторов предполагает, что закон должен соответствовать нравственности, выражать ее духовные начала справедливости и добра. Так, вполне современны и поучительны для юристов рассуждения И.С. Аксакова: «Нам говорят, что для юриста повиновение закону (безразлично, хорошему или дурному) есть такая же аксиома, как дважды два четыре для математика. Но, повиновение закону, как житейская аксиома, по нашему мнению, вовсе не входит в круг ученых соображений юристов, ни в круг «истин науки – права». Для юриста, напротив того, важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость, его соответствие или несоответствие с временным уровнем общественной нравственности, его содержание, а не сигнатура. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое «право» не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и в идее высшей нравственной справедливости. Читатели, конечно, не выведут из наших слов заключения, что мы проповедуем неуважение к закону или «анархию». Повиновение законам, без сомнения, желательно, но юрист не есть официальный блюститель благочиния, надзирающий за непрерывным практическим исполнением законов со стороны общества: он относится к ним критически, он не проповедует неповиновения, но отмечает его и принимает в соображение, как поучительный свершившийся факт. Впрочем, мы должны признаться, надо было бы иметь много отвлеченности в своем развитии, чтобы на практике, в жизни, приводить в исполнение или требовать безусловного исполнения всякого закона, противоречащего безусловного исполнения всякого, противоречащего совести и нравственным человеческим требованиям... если бы можно предположить существование такого закона» [Аксаков 2008: 110-111].

Иными словами, для консерваторов очевиден выбор в случае противоречия права и нравственности в пользу духовно-нравственных ценностей. Консерваторы готовы отвергнуть закон, нарушающий нравственные постулаты. Главное для них – сохранить духовную добродетель в сердце, пусть и ценой нарушения закона. Так, в случае необходимости помощи немощным и слабым людям возможно отступление от юридических норм. Причем формальное нарушение закона человеком, преследующим достижение цели, духа права охранителями понималось как правомерное поведение, за которое не должно следовать осуждение и наказание. С целью оценки такого, основанного на духе права, поведения и необходима опора правоприменителя на собственное убеждение, чувство совести. Справедливо И.А. Ильин замечал: «Так, именно правосознание, созерцающее цель права и осуществляющее в себе акт правовой совести, способно к тому индивидуализирующему усмотрению при применении права, которое должно основываться на подлинной и предметной, правовой интуиции и не позволять, чтобы *summum ius* превращалась в *summum iniuria*. Именно такое правосознание сумеет найти правый выход из необходимости повиноваться неправому праву и невозможности правомерно преобразить его неправоту» [Ильин 1994: 234].

Неповиновение внешнему, положительному праву оправдывалось консерваторами только при условии соблюдения смысла, цели права – обеспечения религиозно-нравственной правды, тем более что одно лишь формальное следование предписаниям закона чревато тем, что в конкретных юридических ситуациях правовое решение окажется несправедливым и безнравственным. Отказ в следовании закону в такой ситуации должен быть связан с невозможностью изменить несправедливое предписание нормы права путем правомерного правотворчества.

Литература

- Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М., 2008.
Аксаков К.С. Собрание сочинений. Т.1. М., 1889.

- Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2007.
- Иларион Слово о Законе и Благодати / Первые книги Святой Руси. М., 2005.
- Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994.
- Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007.
- Новгородцев П.И. История философии права. СПб., 1998.
- Пересветов И.С. Сочинения. М.-Л., 1956.
- Посошков И.Т. Сочинения. М., 1842.
- Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995.
- Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2006.
- Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении / История государства и права. –2009. – № 21. – С. 2-6.
- Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. – 2009. – № 4. – С. 3-26.
- Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
- Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2008.
- Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1900.

References

- Aksakov, K.S. (1889). Collected Works. VOL.I. Moscow (in Russian).
- Aksakov, I.S. (2008). Our banner is the Russian nationality. Moscow (in Russian).
- Florovsky, G.V. (1998). From the Past of Russian Thought. Moscow (in Russian).
- Gubaeva, T.V.(2007). Language and law. Art of the word in professional jurisprudence. Moscow (in Russian).
- Hilarion (2005). Sermon on Law and Grace. The First Books of Holy Russia. Moscow (in Russian).
- Ilyin, I.A. (1994). Collected Works: In 10 vols. T. 4. Moscow (in Russian).
- Khomyakov, A.S. (1990). Complete Works. VOL. I. Moscow (in Russian).
- Khomyakov, A.S. (2008). The world task of Russia. Moscow (in Russian).
- Kireyevsky, I.V. (2007). Spiritual Foundations of Russian Life. Moscow (in Russian).
- Novgorodtsev, P.I. (1998). History of Philosophy of Law. St. Petersburg. (in Russian).
- Peresvetov, I.S. (1956). Works. Moscow (in Russian).
- Pososhkov, I.T. (1842). Works. Moscow (in Russian).
- Solzhenitsyn, A. I. (1995). Publicism: In 3 vols. T. 1. Yaroslavl (in Russian).
- Sorokin, V.V. (2006). The Concept and Essence of Law in the Spiritual Culture of Russia. Moscow (in Russian).
- Sorokin, V.V. (2009). The concept of conscience in the legal dimension. History of State and Law, 21, 2-6 (in Russian).
- Tomsinov, V.A. (2009). Jurisprudence of Ancient Russia and the legal culture of Byzantium. Vestnik of Moscow University. Series 11. Law, 4, 3-26 (in Russian).

Citation:

Васильев А.А., Зеленин Ю.А. «Правда» и «закон» в российском правосознании: консервативные и теологические мотивы // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 5-10.

Vasiliev, A.A., Zelenin Yu.A. (2022). "Truth" and "Law" in Russian Legal Consciousness: Conservative and Theological Motives. Legal Linguistics, 23, 5–10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О формировании обыденного правосознания и путях его укрепления в современных социумах России и Болгарии

В.В. Беденков¹, Л.А. Мукова²

¹*Алтайский государственный университет*

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул. E-mail: bedenkov-1989@mail.ru

²*Международное высшее бизнес-училище Ботевград,*

ул. Гурко, 14, Ботевград, Болгария. E-mail: mukoval@mail.bg

Осмысление института обыденного правосознания как элемента духовно-интеллектуальной жизни общества в конкретный период позволяет дать интерпретацию всему спектру государственно-правовых явлений, с учетом которого должна разрабатываться социально-правовая политика государства, что и определяет актуальность подобных исследований. Актуальность настоящего исследования подтверждается состоянием социально-экономической сферы в России и Болгарии, характеризующихся чередой реформ в экономике, структуре социума, институтах государства и законодательства при переходе к посткапитализму. Исследовательскими задачами авторов явились установление общего и особенного между институтами двух стран в сфере обыденного правосознания и на этой основе определение мер по их укреплению.

Исследование позволило сделать некоторые выводы:

- изучение института требует комплексности подходов;
- общее между институтами стран обусловлено рядом факторов: отношением к славянской культуре, языку; евразийским положением; длительным нахождением в одной экономико-идеологической парадигме; одинаковостью в протекании многих социально-экономических процессов в переходный период; сохранением гражданами в своем сознании функций социалистической государственности и др.;
- различия проявляются в реализуемых государствами интересах из-за принадлежности к разнополярным современным геополитическим полюсам.

Отмечено совпадение некоторых предлагаемых мер по укреплению института: возрождение духовно-воспитательной функции в области образования и семьи; воздействие на контент Интернета; усиление гражданского контроля над судебной системой и законотворческой деятельностью государства и др.

Ключевые слова: государство, правосознание, обыденное правосознание, социум, правовое воспитание.

On the Formation of Common Legal Consciousness and Ways of its Strengthening in the Modern Society of Russia and Bulgaria

V.V. Bedenkov¹, L.A. Mukova²

¹*Altai State University*

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul. E-mail: bedenkov-1989@mail.ru

²*International Higher Business School Botevgrad,*

14 Gurko St, 2140, Botevgrad, Bulgaria. E-mail: mukoval@mail.bg

Comprehension of the institution of ordinary legal consciousness as an element of the spiritual and intellectual life of society in a specific period allows one to interpret the entire spectrum of state and legal phenomena, which are to be taken into account when social and legal policy of the state is developed, which determines the relevance of such studies. The relevance of this study is confirmed by the state of the social and economic sphere in Russia and Bulgaria, characterized by a series of reforms in: the economy, the structure of society, state institutions and legislation during the transition to post-capitalism. The research tasks of the

authors were - the establishment of the common and special between the institutions of the two countries in the sphere of ordinary legal consciousness and, on this basis, the determination of measures to strengthen them. The research tasks were solved by analyzing the state of legal consciousness of Russian and Bulgarian citizens based on the results of empirical research.

The study led to some conclusions:

- studying the institute requires a complex approach,

- common between the institutions of the countries is due to a number of factors: belonging to Slavic culture, language; Eurasian position; long stay in one economic and ideological paradigm; the sameness in the course of many socio-economic processes during the transition period; the retention in the minds of citizens of the functions of socialist statehood, etc.,

- differences are manifested in the interests pursued by states due to belonging to different polarities of modern geopolitical poles.

The coincidence of some of the proposed measures to strengthen the institution was noted: the revival of the spiritual and educational function in the field of education and family; impact on the Internet content; strengthening of civil control over the judicial system and legislative activities of the state, etc.

Key words: *state, legal consciousness, ordinary legal consciousness, society, legal education.*

Возможность осуществления совместной научной разработки специалистами двух государств – России и Болгарии – предопределилась некоторыми объективными социальными характеристиками института обыденного правосознания, которые, с одной стороны, близки по ряду своих существенных признаков, а с другой стороны – различны в силу нахождения Болгарии в ЕС и НАТО.

Для современных социальных, правовых наук постсоциалистических государств интерес представляет установление общего и особенного в понимании сущности обыденного правосознания, его структуры, национальных особенностей.

Объектом данного исследования является сфера общественных отношений двух стран в отношении принятия законодательно установленных правил поведения их гражданами.

Предметом является анализ поведения участников социально-правового процесса в конкретной социально-экономической обстановке стран.

Методы исследования – анализ социально-правовой практики с использованием данных юридико-социологических исследований. Задачи исследования: установление реального состояния института массового правосознания и поиск путей его укрепления.

Состояние теории обыденного правосознания в России.

Вопрос об особенностях формирования обыденного правосознания связан с проблемой осмысления социокультурной системы современного общества. Между тем в правовой науке отсутствует единство научных взглядов как на понимание сущности правосознания в целом и обыденного правосознания в частности, так и на его структуру, сочетание в нем универсальных и исторических черт. С учетом состояния обыденного правосознания, глобализации социальных процессов, цифровизации экономики с неизбежностью актуализируется проблема правового взаимодействия государства и общества. Забвение духовных ценностей при этом становится губительным для человека. Исследование обыденного правосознания способствует сосредоточению на первоосновах человека и общества, формируются четкие ориентиры поведения личности, осуществляется признание ею социальных норм. Накопленные представления о праве, чувства, ощущения, понятия, суждения четко фиксируются в человеческом подсознании и с помощью правовой коммуникации могут передаваться от индивида к индивиду. Так же с помощью правовой коммуникации происходит передача правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю.

В нашем обществе еще недостаточно полно осознана роль гражданина и осмыслено его правосознание. Порой оно дается как обыденное (обывательское), и в таком случае функция гражданина в государстве принижается [Буранова 2016: 356-358].

Обыденное правосознание, являясь духовным началом в праве, оказывает существенное мотивационное воздействие на общественные отношения, правовое поведение и является одним из ведущих факторов развития правовой активности личности. Оно направлено на обеспечение личного, общественного благополучия, стабильности, на подготовку к неблагоприятным внешним воздействиям, что способствует постановке цели действия и способов ее достижения. От сформированности обыденного правосознания зависит выбор правовых средств, эффективность различных видов юридической деятельности. Выделение структурных элементов в правосознании способствует пониманию его роли и места в жизни человека и общества. Важно отметить, что человек или общество, в свою очередь, при взаимодействии друг с другом в рамках правового общения на уровне обыденного правосознания используют термины и языковые конструкции, присущие повседневной жизни и характеризующие общие связи фактических ситуаций.

По мнению П.В. Чельшева, обыденное правосознание по своему происхождению является практическим, возникая стихийно в процессе жизнедеятельности человека. Это практическая самореализация человека в повседневном, чувственном опыте, в познании тех сторон, связей и отношений социоприродной действительности, которые имеют непосредственное отношение к практике [Чельшев 2017: 198-201].

Научный анализ обыденного правосознания предполагает исследование правового менталитета общества, без чего трудно понять внутреннюю логику, устойчивость, самобытность правосознания, его типичные социально-психологические реакции.

Неослабевающий интерес ученых-правоведов и философов к теме правосознания, стремление к исследованию правового феномена объясняются, как правило, его важностью в сферах правовой, политической, социальной практики и человеческого бытия. Авторы трудов по теории государства и права, посвященных теме правосознания, Н.И. Матузов и А.В. Малько полагают, что «позитивное правосознание общества, уважение граждан к закону способствует развитию государства, эффективного функционирования политической и правовой системы» [Матузов 2004: 45].

В.А. Чефранов считает, что обыденное правосознание выступает как совокупность правовых идей и соответствующих им психологических форм, непосредственно, с помощью эмпирического опыта людей, отражающих общественное бытие с точки зрения его правового регулирования [Чефранов 1976: 54].

По мнению Н.Я. Соколова, обыденное правосознание позволяет человеку ориентироваться в окружающей его реальности, но не дает структурированного, аналитического осознания правовых явлений [Соколов 1988: 100]. При том, что обыденное правосознание обладает всеми элементами (правовые знания, чувства, взгляды), которые присущи и научному, и профессиональному правосознанию, его особенность в том, что здесь отсутствует систематизация данных элементов, т. е. правовые знания основаны зачастую на догадках и полученной непроверенной информации из различных источников, что создает их противоречивость и неустойчивость. Это объясняется тем, что обыденное правосознание не имеет под собой научной основы, его формирование стихийно и исходит из условий жизни общества и человека [Махрова 2018: 255-258].

Стоит согласиться с точкой зрения А.Р. Ратинова, который определил, что в самом раннем возрасте ребенок впитывает первые элементы правовой культуры. Он приобретает навыки и усваивает стандарты нормативного поведения, получает первые юридические представления из сказок, в ролевых играх приобретает понятия о функциях права и постепенно формирует хотя и примитивную, детскую, но самостоятельную картину правовой жизни. С возрастом, по мере расширения круга общения, усложнения деятельности и выполняемых ролей, происходит интенсивное обогащение и развитие этой сферы сознания [Ратинов 1987: 112].

С учетом вышесказанного можно констатировать, что обыденное правосознание можно определить как целостную духовно-интеллектуальную сферу повседневных правовых взглядов, чувств, мифов, воплощающих в себе правовые ценности, свойственную основной массе членов данного общества, преимущественно носящую эмпирический, повседневно-бытовой характер и определяющую правовое поведение людей.

В процессе формирования практического правосознания обыденное правосознание может укрепляться, углубляться и расширяться. Не исключена и серьезная ломка ранее устоявшихся представлений о праве, сопровождающаяся острыми психологическими переживаниями. Так, нравственные нормы, регулирующие как общесоциальные, так и межличностные отношения, в российском обществе разрушены или существенно деформированы, что явилось следствием распада советского государства и последовавших за этим радикальными изменениями в общественном устройстве страны. Для современного общества характерно подчеркнутое игнорирование окружающих и общепринятых норм морали и даже умышленное нанесение вреда окружающим. То, что еще недавно было аморальным, становится привычным и повсеместно распространенным. В итоге уровень развития морального сознания большинства населения уже не в состоянии компенсировать неразвитое правовое сознание. В нравственно-религиозной сфере российское обыденное правосознание впитало в себя ценности православия, что способствовало включенности церкви в процессы формирования и укрепления государственности в России.

Религиозность правосознания предопределяет то, что позитивное право последним не рассматривается как основополагающий и универсальный регулятор общественных отношений: «В России... механизмом освоения и выражения общественных процессов и изменений является нравственность» [Петровская 2007: 47]; «наш народ... в личную нравственность верит... всегда более, чем во всевозможные формальные гарантии» [Астафьев 1996: 95].

В современном российском правосознании сосредоточены разноплановые явления, процессы и характеристики. Российское общество многонационально, что объективно требует заложенных в правовую культуру эффективных механизмов сосуществования различных социальных групп населения, но при этом следует констатировать тот факт, что, несмотря на разные национальные и религиозные принадлежности, обыденное правосознание российского общества подпитывается такими ценностями, присущими всем народам нашей страны, как поиск справедливости, взаимопомощь, гостеприимство, соборность, солидарность, а приоритетом направления государственной политики должны быть духовно-нравственные установки, основанные на принципах справедливости, добросовестности и милосердия.

Сфера обыденного правосознания должна быть приоритетным объектом правового воспитания. Доктринальное и профессиональное правосознание не нуждается в таком интенсивном воспитательном воздействии, как обыденное правосознание. Правовое регулирование можно считать достигнутым и эффективным, когда запланированные результаты усвоены в обыденном правосознании.

Как отметил В.В. Путин в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 [Российская газета 2018], «вовлеченность нашего народа в дела страны и гражданская активность, как и культурные, нравственные и духовные ценности, способствуют укреплению правосознания общества и делают нас единым народом, способным к достижению поставленных целей».

В современных условиях развития общества, решая задачу укрепления обыденного правосознания, правоведы и правоприменители должны сделать акцент на том, чтобы индивид проводил регулярную работу над внутренним состоянием своей души, так как укрепление правосознания и правовой культуры будет реализовываться через

призму саморегуляции, а не через внешнее принудительное воздействие со стороны государства. Так же необходимо наладить правовую коммуникацию государства и общества. Важно, чтобы граждане получали понятную правовую информацию. Здесь особо стоит отметить, что информация должна быть упорядоченной, выражающейся в идентичном восприятии как адресантом, так и адресатом.

Состояние теории обыденного правосознания в Болгарии.

Современные исследователи теории правосознания в Болгарии за последние три десятилетия, опираясь на прежнюю структурную матрицу о содержании данного института (общепринятые понятия о праве; ориентация общества на тот или иной правовой режим; социально-психологический феномен, т. е. социальные эмоции, настроения, симпатии и др.), занимаются отдельными частными проблемами [Проект Национального центра парламентских исследований «Правосознание граждан Болгарии 1999-2018 гг.» 2018]. Государственно-правовая доктрина, принявшая новую либерально-демократическую идеологию, использует метод европейского рецепирования.

Правосознание в правовой теории Болгарии рассматривается как сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую реальность в виде правовых знаний, оценочного отношения к праву/закону и практике его применения, правовой установки и ценностей, ориентации, регулирующей поведение в юридически значимых ситуациях. В этом контексте институт имеет междисциплинарный характер, включающий следующие структурные элементы: познавательный, психологический и поведенческий [Маджарова 2021].

Ядром данной системы научных взглядов является европейское антидискриминационное правосознание. Вхождение Болгарии в ЕС предопределило необходимость теоретического уточнения категории «равенства», лежащего в основе европейского правосознания, его принципов и непозволения моно- и множественной дискриминации. В соответствии с концепцией ЕС, категория «равенства» кумулятивно объединяет четыре элемента: юридическое, политическое, социальное равенство; равенство возможностей и экономическое равенство.

Основные направления антидискриминационного национального законодательства определены в Конституции Республики Болгарии, а конкретные механизмы его реализации в контексте политики ЕС определены в Законе о защите от дискриминации (ЗЗДискр.), вступившем в законную силу в 2004 году. Цели Закона определены в его ст. 2, согласно которой каждому человеку предоставляется право на равенство: перед законом, в обращении и в возможностях участия в общественной жизни; на защиту от дискриминации. Закон защищает всех физических и юридических лиц, находящихся на территории государства (защищаются, например, доступ к рынку труда, к рынкам товаров и услуг, транспорту, здравоохранению, к рынку финансовых инструментов и банковских услуг и др.). Одновременно, в ст. 7 Закона указаны случаи, которые не признаются дискриминацией, среди них: определение требований к минимальному возрасту, профессиональному опыту или трудовому стажу для приема на работу, или предоставление определенных льгот, связанных с работой, при условии, что это объективно оправданно для достижения законной цели; временные меры стимулирования, применяемые в соответствии с Законом о равенстве женщин и мужчин; меры в области образования и профессиональной подготовки для обеспечения участия лиц, принадлежащих к этническим меньшинствам, насколько они необходимы, и другие случаи, которых всего двадцать. То есть непризнание отдельных жизненных ситуаций за дискриминацию, с одной стороны, представляется объективным и необходимым, с другой – существует практическая возможность их признать в определенной степени дискриминационными. Поэтому, говоря о принципе равенства, надо иметь в виду не абсолютное, а относительное формальное равенство субъектов.

Как правильно отмечает профессор С.Т. Наумова, правосознание играет роль в самом создании правовых норм и формировании системы законодательства [Наумова 2011: 254].

Представляется, что для нормального и эффективного функционирования системы правосознания, особенно обыденного, необходимо соблюдать баланс между тремя системами: легитимным управлением, правом и социально-экономическими процессами. Если легитимно избранная власть относительно объективно оценивает социальные процессы, то и система права и законодательства, отражающая их, будет оцениваться как правильная с точки зрения членов социума, и обратно – преднамеренно субъективная и лоббированная оценка социально-экономических процессов создает несправедливый, с позиции общества, правовой режим. В первом случае структуры правосознания работают эффективно в рамках позитивной оценки со стороны индивида и социума, во втором – поведение субъектов, в лучшем случае, индифферентно к праву или вообще негативно как результат отрицательной оценки закона и права, и их поведение порою неправомерно [Айдаров 2003: 87].

Правосознание непосредственно связано с еще двумя институтами – правовой культурой и воспитанием.

Институт правовой культуры с позиции понимания болгарской теорией представляет собой уровень развития юридической техники, состояния правосознания (степень осознания необходимости соблюдения требований законодательства, масштаб и глубина профессионального правосознания посредством подготовки юристов и развития юридической науки), состояние законности (степень практического соблюдения законов); степень адекватного регулирования соответствующих общественных отношений посредством законодательства; состояние судебной практики, практики прокуратуры и правоохранительных органов.

Правовое воспитание представляется как установление позитивной для правового порядка ценностной ориентации общества, формирование в обществе чувства долга, порядка и ответственности. Правовое воспитание является связкой между смыслом и содержанием права как основного ценностно-нормативного регулятора общественных отношений и поведением индивидов [Колев 2015: 119].

С позиций меры свободы и интересов рассматривает обыденное правосознание Г. Бойчев. Автор принимает правосознание как институт, но выстраивает его с позиции философии права. Закон есть мера свободы, свобода

определяет качество закона. Закон отражает меру интересов, а потому он должен соответствовать интересам граждан, правосознанию и свободе, если этого не происходит – он нелегитимный. Закон и право должны отвечать интересам общества и личности, чтобы достичь нужного уровня правосознания и правовой культуры [Бойчев 2018].

Подводя итог небольшому экскурсу в теорию современного института правосознания Болгарии, представляется верным осуществлять анализ не столько содержания определения обыденного правосознания, а функциональных зависимостей между экономикой, государством, правом и правосознанием.

Предложения по укреплению обыденного правосознания в РФ.

В качестве мер, способствующих укреплению обыденного правосознания России, можно выделить следующие:

— В школах, среднеспециальных и высших учебных заведениях необходимо преподавание таких дисциплин, на которых ученики и студенты познакомились бы с нормами морального поведения в семье, в публичных местах, в межличностных отношениях, как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве. К проведению таких уроков можно привлекать психологов, священнослужителей, конфликтологов и других компетентных лиц.

— Также необходимо совершенствование правовой системы и условий регулирования общественных отношений, где право будет функционировать не только через нормативные тексты, но также в сфере обыденного правосознания, когда конкретные субъекты превращают предписания норм в свое достояние, изнутри запуская механизм действия права. Это предполагает восприятие нормы права субъектом как внутренней установки на ее соблюдение, подкрепленное волевым усилием, осознанием необходимости и чувством долга.

— Общество в современных реалиях нуждается в укреплении обыденного правосознания с помощью применения эффективных мер правового воспитания. При этом, несмотря на разные национальные и религиозные сегменты, обыденное правосознание общества России подпитывается такими общими ценностями, как поиск справедливости, взаимопомощь, солидарность, а приоритетом государственной политики должны быть духовно-нравственные установки, основанные на принципах человеколюбия, справедливости, патриотизма, добросовестности и милосердия.

В качестве предложения в области правовой науки предлагается принятие Стратегии правового воспитания граждан в Российской Федерации с перечнем конкретных мер, которая должна определить правовую политику государства в данной сфере. Такой важный для правового воспитания населения страны документ надо принять в ближайшем будущем, ибо он необходим как основа для разработки соответствующих целевых государственных программ. Уже существующие политико-директивные документы, такие, как Государственная программа по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности или Программа повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации, затрагивают сферу правового воспитания косвенно, либо их действие распространяется только на отдельные участки правовоспитательной деятельности. Названная стратегия требует утверждения на уровне Федерального закона.

Предложения по укреплению обыденного правосознания в РФ.

— Государству необходимо вернуться в правовое поле социально-экономической активности в защиту интересов граждан как внутри страны, так и за ее пределами, где проживают его граждане; снизить процент безработицы в стране посредством восстановления отечественных производств, то есть реновировать производственную структуру экономики.

— Принять закон о недопущении более двух мандатов (в совокупности) пребывания в законодательных и исполнительных органах страны, то есть ввести обязательную сменяемость и обновление кадрового состава этих органов. Нормативно обязать руководство и составы судов, прокуратуры и полиции проходить каждые два года общественную аттестацию перед представителями гражданского общества во главе с омбудсменом. Повысить качество юридического образования и науки в целом с целью подготовки кадров и специально для судебной системы.

— Вернуть воспитательную функцию в учреждения среднего и высшего образования, включить трудовое воспитание; проводить пропаганду традиционной семьи с привлечением психологов и духовников; ввести в средней школе для старшеклассников обязательные уроки правоведения, с привлечением представителей суда, прокуратуры, следствия и полиции, а также осуществлять встречи с депутатами различных уровней законодательного корпуса; на университетском уровне для студентов организовывать круглые столы, беседы, клубы по проблемам права и экономики, психологии с участием сотрудников правоохранительных и законодательных органов, психологов и др.; возродить патриотическое воспитание молодежи посредством проведения уроков, создания клубов, сайтов и др. форм памяти „Истории Отечества“.

Наиболее важным оказалось внутреннее переформатирование государственно-правовых и социально-экономических процессов в обеих странах. Государственно-правовая трансформация в России и Болгарии стартовала в начале 90-х г. прошлого века с отказа государств от коммунистической идеологии и административно-командных форм социально-экономического управления. На этой основе были приняты новые Конституции, в которых нормативно закреплялась западная капиталистическая либерально-экономическая модель свободного конкурирующего рынка. Принятые Конституции традиционно послужили базисом для разработки объективного права – законодательства, отражающего коренные изменения в социально-экономической жизни государств, при доминанте блока частно-правных законодательных отраслей над публично-правовыми.

В современных реалиях развития общества обыденное правосознание социумов России и Болгарии как никогда нуждается в положительных примерах, что позволит получить мощный воспитательный импульс для подражания лучшим представителям общества. Только при тщательной разработке правовой политики в сфере укрепления обыденного правосознания граждан, осознании важности всех временных этапов правового воспитания, четком понимании задач, определении необходимых средств их решения и соответствующих форм правового воспитания возможно формирование позитивного обыденного правосознания и укрепление правовой культуры.

Литература

- Айдаров Й. Криминологическое правосознание: Теоретико-методологические аспекты. София, 2003.
- Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии) / Вопросы философии. - 1996. - №12. - С. 84-102.
- Бойчев Г. Правото трябва да отговаря на нашето правосъзнание. Ако не отговаря, то е нелегитимно. URL: <https://defakto.bg/>
- Буранова В.О., Сафронова В.В. Правосознание гражданина как один из видов правосознания / Научный альманах. - 2016. - № 5-1(19). - С.356-358.
- Колев Т. Теория права. София, 2015.
- Маджарова В. Специализираната прокуратура е атакувана, защото работи. URL: <https://dariknews.bg/novini/bylgariia/valentina-madzharova-specializiranata-prokuratura-e-atakuvana-zashtoto-raboti-2277715>.
- Матузов Н.И., Малько А.В. Правосознание и правовая культура / М., 2004.
- Махрова М.В., Махрова Е.И. Профессиональное, обыденное и теоретическое правосознание: общее и особенное / Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития. Курск, 2018. С. 255-258.
- Наумова С.Т. Функциональные особенности антидискриминационного правосознания / Научн. труды Русенского Университета. - 2011. - С. 254
- Петровская А.В. Сущность и содержание идеи правового закона : автореф... канд. юрид. наук. М., 2007.
- Проект Национального центра парламентских исследований «Правосознание граждан Болгарии 1999-2018 гг.». URL: https://parliament.bg/pub/ncpi/Legal%20consciousness%202018_11.10_final.pdf
- Ратинов А.Р. Актуальные задачи психологии права / Психологический журнал. - 1987. - № 1. - С. 112.
- Соколов Н.Я. Профессиональное осознание юристов. М., 1988.
- Челышев П.В. Диалектика обыденного и специализированного сознания / Манускрипт. - 2017. - № 5(79). - С. 198-201.
- Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. Философско-методологический очерк. Киев, 1976.

References

- Astafiev, P.E. (1996). Nationality and universal tasks (to Russian folk psychology). Questions of Philosophy, 12, 84-102 (in Russian).
- Aydarov, Y. (2003). Criminological legal science: Theoretical and methodological aspects..
- Boychev, G. (). Pravoto tryabva and dissuade us from our sense of justice. If not dissuaded, then it is illegitimate. Available from: <https://defakto.bg/>
- Buranova, V.O., Safronova, V.V. (2016). Legal consciousness of a citizen as one of the types of legal consciousness. Scientific almanac, 5-1 (19), 356-358 (in Russian).
- Chefranov, V.A. Legal consciousness as a kind of social reflection. Philosophical and methodological essay. Kiev, 1976. - S.54
- Chelyshev, P.V. (2017). Dialectics of ordinary and specialized consciousness. Manuscript, 5(79), 198-201 (in Russian).
- Kolev, T. (2015). Theory of Law. Sofia.
- Madzharova, V. Specialized prosecutor's office attacked, work hard. Available from: <https://dariknews.bg/novini/bylgariia/valentina-madzharova-specializiranata-prokuratura-e-atakuvana-zashtoto-raboti-2277715>.
- Makhrova, M.V., Makhrova, E.I. (2018). Professional, everyday and theoretical legal consciousness: general and special. Study of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development, 255-258 (in Russian).
- Matuzov, N.I., Malko, A.V. (2004). Legal consciousness and legal culture. Moscow (in Russian).
- Naumova, S.T. (2011). Functional features of anti-discrimination sense of justice. Nauchn. Proceedings of the University of Rousse, 254 (in Russian).
- Petrovskaya, A.V. (2007). Essence and content of the idea of a legal law: abstract of... cand. legal Sciences. Moscow (in Russian).
- Project of the National Center for Parliamentary Studies "Legal Awareness of the Citizens of Bulgaria 1999-2018". Available from: https://parliament.bg/pub/ncpi/Legal%20consciousness%202018_11.10_final.pdf

Ratinov, A.R. (1987). Actual problems of the psychology of law. *Psychological Journal*, 1, 112 (in Russian).
Sokolov, N.Ya. (1988). Professional awareness of lawyers. Moscow (in Russian).

Citation:

Беденков В.В., Мукова Л.А. О формировании обыденного правосознания и путях его укрепления в современных социумах России и Болгарии // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 11-17.

Bedenkov V.V., Mukova L.A. (2022). On the Formation of Common Legal Consciousness and Ways of its Strengthening in the Modern Society of Russia and Bulgaria. *Legal Linguistics*, 23, 11-17.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Сущность и содержание принципа гендерного равенства в текстах нормативно-правовых актов скандинавских стран

А.В. Головинов¹, Ю.В. Головинова²

¹Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex.golovinov@mail.ru

²Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

Статья посвящена исследованию категории «гендерное равенство» в системе некоторых нормативных правовых актов стран Скандинавии. Цель работы показать эффективность правового регулирования и обеспечения принципа гендерного равноправия в правовой политике данной группы государств. Руководствуясь герменевтической методологией, авторы пришли к выводу о том, что позитивный опыт борьбы с дискриминирующими факторами свойствен современной Швеции. Само понятие и термин «дискриминация» ясно сформулирован и определен на уровне нормативного регулирования. Шведский законодатель конкретизирует также проявления и формы дискриминирующих действий.

В публикации показано, что в Норвегии приходится наблюдать концепцию учреждения специализированных правительственных структур. Министерство по делам детей и семьи Норвегии включает особый отдел по гендерному равноправию. Все это объективно содействует эффективному конструированию и продвижению истинного равенства представителей обоих полов.

Установлено, что, действуя сообразно другим скандинавским странам, датский законодатель принял специальный закон «О гендерном равенстве». Содержание понятия гендерного равенства, как следует из текста данного документа, включает в себя принцип равной социальной интеграции, и неразрывно связан с концептом равного влияния мужчин и женщин и их равных возможностей во всех сферах жизни общества

Также акцентируется, что содержание и сущность принципа гендерного равенства в законодательстве Норвегии, Швеции и Дании напрямую связано с такими категориями как «права женщин», «запрет на дискриминацию», «равная социальная интеграция» и «равенство мужчин и женщин».

Ключевые слова: Скандинавия, Северная Европа, гендерное равенство, права женщин, дискриминация.

The Essence and Content of the Principle of Gender Equality in the Texts of Normative Legal Acts of the Scandinavian Countries

A. Golovinov¹, Yu. Golovinova²

¹Altai State University
61 Lenin str., Barnaul, Russia, 656049. E-mail: alex.golovinov@mail.ru

²Altai State Pedagogical University
55 Molodezhnaya str., Barnaul, Russia, 656035. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

The article is devoted to the study of the category of "gender equality" in the system of some normative legal acts of the Scandinavian countries. The purpose of the work is to show the effectiveness of legal regulation and ensuring the principle of gender equality in the legal policy of this group of states. Guided by the hermeneutic methodology, the authors came to the conclusion that the positive experience of dealing with discriminatory factors is characteristic of modern Sweden. The very concept and term "discrimination" is clearly formulated and defined at the level of regulatory regulation. The Swedish legislator also specifies the manifestations and forms of discriminatory actions.

The publication shows that in Norway one has to observe the concept of establishing specialized government structures. The Norwegian Ministry of Children and Family Affairs includes a special department for gender equality. All this objectively contributes to the effective construction and promotion of true equality for both sexes.

It was established that acting in accordance with other Scandinavian countries, the Danish legislator adopted a special law "On gender equality". The content of the concept of gender equality, as follows from the text of this document, includes the principle of equal social integration, and is inextricably linked with the concept of equal influence of men and women and their equal opportunities in all spheres of society

It is also emphasized that the content and essence of the principle of gender equality in the legislation of Norway, Sweden and Denmark is directly related to such categories as "women's rights", "prohibition of discrimination", "equal social integration" and "equality of men and women".

Key words: Scandinavia, Northern Europe, gender equality, women's rights, discrimination.

Термин и понятие «гендерное равенство» на сегодня основательно регламентирован в законодательстве подавляющего большинства стран мира. Однако на юридической карте планеты, увы, нет единого подхода к пониманию данного гуманистического понятия. Непосредственная реализация и механизмы обеспечения принципа равенства полов также не одинаковы. Потому проблематика равенства мужчин и женщин вызывает стабильный интерес со стороны академической среды и представлена многообразием современных исследований [Брюхина, Третьякова 2021; Гончаренко О.К. 2020; Костенко Е.П., Кузнецова С.Ю. 2019; Каширкина А.А., Морозов А.Н. 2020, 2021; Слободчикова С.Н. 2018; Торосян Р. А. 2015]

В целом вполне понятно, что понимание природы и сущности категории «гендерное равенство» не может быть универсальным [Peters 2021]. Вместе с тем, государство, руководствующееся в своей деятельности фундаментальным конституционным принципом народовластия, в той или иной форме и степени обязуется обеспечивать равноправие мужчин и женщин. В этом смысле уникальный опыт в закреплении понятия «равенство полов» и эффективное его обеспечение демонстрирует группа скандинавских государств. Именно поэтому анализ содержания принципа гендерного равенства в текстах нормативно-правовых актов данных стран представляется актуальным и эвристичным.

Итак, государства Скандинавии неоднократно предпринимали плодотворные попытки и совершали серьезные реформаторские шаги в закреплении принципа равноправия полов в национальном законодательстве. Блок реформ подобного направления пришелся еще на 1970-е гг., когда правительства большинства скандинавских стран провозгласило поддержку семьи. Это выражалось во внедрении в практику института поочередного использования родителями отпуска по уходу за своим ребенком. В этом смысле Норвегия оказалась одной из самых последовательных стран. В 1990-х гг. здесь была реализована практика предоставления отцам четырехнедельного отпуска по уходу за ребенком. Кстати, этим правом воспользовались около 80% мужского населения страны [Штылева 2011; Лошакова 2011]. В конечном счете все эти меры привели женщин к экономической максимальной независимости от мужчин, что в свою очередь минимизировало проявления дискриминации.

Позитивный опыт борьбы с дискриминирующими факторами свойствен современной Швеции. Само понятие и термин «дискриминация» ясно сформулирован и определен на уровне нормативного регулирования. Шведский законодатель конкретизирует также проявления и формы дискриминирующих действий. Конструктивно определяя состав противоправного деяния – дискриминации, шведы его рассматривают сквозь призму парадигмы равноправия. В целом дискриминация как раз и понимается как непосредственное посягательство на концепт равенства полов. То есть, понятия «равенство полов» и категория «дискриминация» представлены в шведских нормативных правовых актах в неразрывной связи.

Подход к равноправию в шведском государстве основан на выявлении абстрактной и конкретной формы равенства полов. Интерес представляет именно абстрактное равенство, под которым понимается система социальных и политических практик применения буквы закона совершенно одинаково по отношению, как к женщинам, так и к мужчинам. Очевидно, что данная конструкция лежит на платформе правовой государственности и очень хорошо вписывается в примат верховенства закона.

Конкретное же равенство предполагает применение нормы права только с учетом всех обстоятельств каждой личности, так как возможны дискриминационные проявления в тех случаях, когда норма права применяется одинаково ко всем лицам без учета личных обстоятельств каждого субъекта.

По праву можно считать Швецию одним из лидеров в деле обеспечения реализации политики гендерного равенства. Правовая система этого государства изобилует актами и всевозможными документами, которые призваны

обеспечивать равные возможности для представителей каждого пола. Обращает на себя внимание, что уже на уровне высшего учредительного акта страны гарантируется равенство мужчин и женщин [Конституция Швеции]. Помимо Конституции, шведы приняли и специальные законы, развивающие общие положения конструкции гендерного равноправия [Закон]. В числе таких актов Закон о равных возможностях, и специализированный документ – Закон о запрете дискриминации. Мы полагаем, что шведский законодатель, проявляя исключительную заботу по отношению к женскому народонаселению, в нормативных предписаниях закрепляет ответственность за сексуальные домогательства. В этом вопросе особо ответственен работодатель или представитель нанимателя, в обязанности которого, согласно законодательству Швеции, включены мероприятия, способствующие защите сотрудников от принуждений сексуального характера. Решительно выступая против гендерной асимметрии, в Швеции работодателю, имеющему больше десяти работников, корреспондируется обязанность обеспечить фактическую равную оплату труда всем сотрудникам, не зависимо от половой принадлежности. Такая экономическая мера считается очень эффективной и работоспособной. Гендерное равноправие как видно в доктрине и политической практике Шведского государства неразрывно связано с правами женщин, как наиболее уязвимой части единого, но делимого социума. Для поддержки «женского права» в этой северо-европейской стране полностью запрещена проституция и ее любые проявления. В случае приобретения услуг сексуального характера к юридической ответственности привлекается не только продавец «запрещенки», но и приобретатель подобных услуг. Именно консолидированная ответственность, по нашему мнению, вполне позволяет практически полностью свести на нет «самую древнюю женскую профессию».

Не отстают от своих соседей и норвежцы. Здесь также приходится наблюдать концепцию учреждения специализированных правительственных структур. Министерство по делам детей и семьи Норвегии включает особый отдел по гендерному равноправию. Все это объективно содействует эффективному конструированию и продвижению истинного равенства представителей обоих полов.

Обращаясь к анализу механизмов обеспечения содержания принципа гендерного равенства как системы социальных и юридических средств, невозможно не упомянуть, собственно, о долгом и изнурительном пути, который проделали страны скандинавской части Европы. Сама история государства и права западных стран иллюстрирует многообразие факторов развития законодательства, направленного на поиск оптимальных механизмов реализации прав и свобод человека и обеспечения конституционно-правовых гарантий для их четкого соблюдения. Что очевидно, в период после окончания Второй мировой войны в основных законах государств Скандинавии существенно усилилась социальная составляющая конструкции прав человека [Кашина, Пяхкель 2020].

Примечательно, что подходы к понятию и принципу равенства мужчин и женщин в правовых системах отдельно взятых скандинавских стран отличаются. Как видно Швеция и Норвегия достигли на поприще регламентации категории гендерного равенства колоссальных успехов. По уровню ликвидации проявлений гендерной асимметрии ранее незначительно отставала Дания. Воспринимая передовой опыт своих ближайших географических соседей, государство это все же немного уступало в уровне закрепления в нормативно-правовых актах понятия юридического равноправия полов. Однако за последние 3-5 лет датчане полностью стали соответствовать гендерной политике всех стран Скандинавии. В данном контексте сразу стоит обозначить, что этот факт отставания носил условный характер. Так, на 2021 год Дания также вошла в топ-5 стран по уровню достижений равенства мужчин и женщин. Датский законодатель принял специальный закон «О гендерном равенстве». Содержание понятия гендерного равенства, как следует из текста данного документа, включает в себя принцип равной социальной интеграции, и неразрывно связан с концептом равного влияния мужчин и женщин и их равных возможностей во всех сферах жизни общества. В 2014 году на Европейской экономической комиссии при Организации объединенных наций Дания добровольно представила предварительный анализ по разработке показателей по гендерному равенству на муниципальном уровне. Как отмечается в этом документе: «Нас воодушевил опыт наших северных соседей, где Статистическим управлением ежегодно публикуются гендерные показатели по муниципалитетам» [Олсен 2014]. Потому адекватно используя передовой опыт, в частности Норвегии, датский законодатель последовательно развивал принцип гендерного равенства. Однако сами датчане констатируют, уровень доходов и зарплаты женщин все же отстает от материального обеспечения мужчин. Такая ситуация объясняется тем, что представительницы женского пола заняты в так называемых женских должностях, таких как сфера образования, социального обеспечения и здравоохранения. При этом по показателям уровня образования женщины абсолютные лидеры.

Для эффективного обеспечения равенства полов и минимизации гендерной асимметрии сообразно опыту других скандинавских стран в Дании также учреждены специальные ведомства, например Министерство по делам религии и гендерному равенству. В целом подход датского законодателя к содержанию понятия гендерного равенства выглядит общим для Скандинавии.

Итак, подводя итоги отметим, что, пройдя продолжительный путь в деле закрепления в нормативно-правовых актах принципа и категории гендерного равенства, скандинавские государства демонстрируют выдающийся успех. Содержание и сущность принципа гендерного равенства в законодательстве Норвегии, Швеции и Дании напрямую связано с такими категориями как «права женщин», «запрет на дискриминацию», «равная социальная интеграция» и «равенство мужчин и женщин». Таким образом, системно и многоаспектно определяя природу гендерного равенства в текстах своих нормативно-правовых актов, страны Скандинавии эффективно обеспечивают принцип равноправия полов и минимизируют всякие проявления гендерной асимметрии.

Литература

- Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С. Права женщин в контексте универсальных, региональных и национальных (российских) стандартов и механизмов защиты прав человека // Вестник Пермского университета. – Юридические науки. – 2021. – №53. – С. 516-540.
- Гончаренко О.К. Международное и национальное право и практика защиты женщин от домашнего насилия // Женщина в российском обществе. – 2020. – №3. – С. 53-65
- Закон о равных возможностях // URL: <https://lagen.nu/1991:433>
- Костенко Е.П., Кузнецова С.Ю. Инструменты преодоления гендерного неравенства на рабочем месте: опыт Франции // JER. – 2019. – №4. – С. 78-83
- Каширкина А.А., Морозов А.Н. Европейский опыт оценки гендерной проблематике совместимость международных стандартов и национальных правовых подходов // Женщина в российском обществе. – 2021. – №3 – С. 3-17
- Кашина М.А., Пякхель А.А. Обеспечение реализации гендерного равноправия де-юре и де-факто: опыт стран Европейского союза // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2020. – №2. – С. 56-71
- Каширкина А. А., Морозов А. Н. Права женщин в современном обществе: результат генезиса или объективная необходимость? // Женщина в российском обществе. – 2020. – №1 – С. 3-16
- Конституция Швеции // URL <https://legalns.com/download/books/cons/sweden.pdf>
- Лошакова Ю.П. Защита прав женщин в контексте гендерного равноправия (На материалах законодательства Швеции) // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 2. – С. 55-58
- Невежина М.В. Гендерная дискриминация в сфере труда: опыт борьбы на международном уровне // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №3 (70). – С. 36-45
- Олсен А.Л. Продвижение применения гендерных показателей в муниципалитетах Дании. Записка, подготовленная Статистическим бюро Дании 10 февраля 2014 г // URL https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.30/2014/mtg_1/9_DNK_R.pdf
- Слободчикова С.Н. Гендерный паритет в контексте принципа свободных выборов // Избирательное право. – 2018. – №1 (37). – С. 57-62
- Торосян Р. А. Международные стандарты гендерного равенства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Экономика. Управление. Право. – 2015. – №3. – С. 347-351
- Штылева М.В. Политика гендерного равенства стран Северной Европы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С.14-16.
- Peters A. Die Pandemie und das Völkerrecht (The Pandemic and Public International Law) (February 9, 2021), в: Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper No. 2021-03. P. 43

References

- Bryukhina E.R., Tretyakova E.S. (2021) Women's rights in the context of universal, regional and national (Russian) standards and mechanisms for the protection of human rights // Bulletin of the Perm University. - Legal sciences.. No. 53. P. 516-540. (in Russian).
- Goncharenko O.K. (2020). International and national law and practice of protecting women from domestic violence // Woman in Russian society. No. 3. P. 53-65 (in Russian).
- Equal Opportunity Law // URL: <https://lagen.nu/1991:433> (in Sweden)
- Kostenko E.P., Kuznetsova S.Yu. (2019) Tools for overcoming gender inequality in the workplace: French experience // JER. No. 4. P. 78-83 (in Russian).
- Kashirkina A.A., Morozov A.N. (2021) European experience in assessing gender issues compatibility of international standards and national legal approaches // Woman in Russian society. No. 3. P. 3-17 (in Russian).
- Kashina M.A., Pyakhkel A.A. (2020). Ensuring the implementation of gender equality de jure and de facto: the experience of the countries of the European Union // Theoretical and applied jurisprudence. No. 2. P. 56-71 (in Russian).
- Kashirkina A. A., Morozov A. N. (2020). Women's rights in modern society: the result of genesis or an objective necessity? // Woman in Russian society. No. 1. P. 3-16 (in Russian).
- Loshakova Yu.P. (2011) Protection of Women's Rights in the Context of Gender Equality (Based on Swedish Legislation) // Woman in Russian Society. No. 2. P. 55-58 (in Russian).
- Nevezhina M.V. (2018) Gender Discrimination in the Sphere of Work: Experience of Struggle at the International Level // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. No. 3 (70). P. 36-45 (in Russian).
- Olsen A.L. (2014) Promoting the use of gender indicators in Danish municipalities // Note prepared by Statistics Denmark on February 10, 2014 Available from: URL https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.30/2014/mtg_1/9_DNK_R.pdf (in Sweden)
- Peters A. (2021) Die Pandemie und das Völkerrecht (The Pandemic and Public International Law) (February 9, 2021), in: Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper No. 03. P. 43 (in German)

-
- Slobodchikova S.N. (2018) Gender parity in the context of the principle of free elections // Suffrage Law. No. 1 (37). P. 57-62 (in Russian).
- Shtyleva M.V. (2011). Politics of gender equality in the Nordic countries // Actual problems of the humanities and natural sciences. No. 3. P.14-16. (in Russian).
- Swedish Constitution // URL <https://legalns.com/download/books/cons/sweden.pdf> (in Sweden)
- Torosyan R. A. (2015) International standards of gender equality // Bulletin of the Saratov University. New episode. Economy. Control. Right. No. 3. P. 347-351 (in Russian).

Citation:

Головинов А. В. Головинова Ю. В. Сущность и содержание принципа гендерного равенства в текстах нормативно-правовых актов скандинавских стран // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – 18-22.

Golovinov, A. V. Golovinova, Yu. V. (2022). The Essence and Content of the Principle of Gender Equality in the Texts of Normative Legal Acts of the Scandinavian Countries. Legal Linguistics, 23, 18-22.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О субординации принципов права при толковании правовых актов¹

В. В. Сорокин¹, Я. Стоилов²

¹*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

²*Софийский университет им. Св.Кл. Охридского
София, Республика Болгария*

В статье проводится идея о необходимости ранжирования принципов права. В процессе практического использования принципов права между ними неизбежны коллизии. В этом случае компромиссного решения между законностью и справедливостью не должно быть – решение нужно принимать в пользу справедливости. А коллизию между справедливостью и милосердием надо снимать в пользу милосердия. Любые коллизии между принципами права носят иерархический характер. Таким образом, любые коллизии среди принципов права следует преодолевать в пользу принципа высшего порядка.

Ключевые слова: милосердие, справедливость, законность, основные принципы права, уважение человеческого достоинства.

Principles of Legal Responsibility: New Criteria for Classification and Subordination

V.V. Sorokin¹, Ya. Stoilov²

¹*Lenin Ave., 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

²*Sofia University "St. Kl. Ohridski"
Sofia, Republic of Bulgaria*

The article considers the idea of the necessity of ranking the principles of legal responsibility. Conflict among the principles of legal responsibilities are inevitable in the process of their practical use. In this case, there should not be a compromise between legality and justice - a decision must be made in favor of justice. A conflict between justice and charity must be solved in favor of charity. Any conflicts among the principles of legal responsibility are hierarchical. Thus, any conflicts of principles of legal responsibility should be solved in favor of the principle of higher order.

Key words: mercy, justice, law, the basic principles of legal responsibility, respect for human dignity.

Важной характеристикой полноценного правосознания является опора на принципы права. В отечественной юридической науке принципы права принято рассматривать как руководящие идеи, определяющие общую направленность и наиболее существенные черты содержания правового регулирования.

К сожалению, юридическая практика уделяет принципам права недостаточное внимание. У судей и иных правоприменителей нет обязанности либо сложившегося обыкновения ссылаться на принципы права в обоснование принимаемых решений. Поэтому наблюдается разрыв между возможностями, которые таят в себе принципы, и

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 20-511-18002 Болг_а «Иерархия и координация источников права в национальных правовых системах России и Болгарии».

реальной правовой действительностью. При расхождении теории и практики принципы права существуют словно сами по себе.

Между тем нет более близких феноменов, чем дух права и принципы права. И поскольку дух права на протяжении длительного времени в нашей стране игнорировался, постольку и принципы права оказывались не востребованными юридической практикой.

Рассуждая о генезисе принципов права, авторы нередко утверждают, что прежде чем возникнуть принципу, формируются идеи права. Идеи права – это область правосознания, и они вырабатываются юридической наукой. «Принципами в науке конституционного права, – считает Н.А. Богданова, – являются идеи, имеющие фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли» [Богданова 2001: 166]. Принципы права, отмечает Н.В. Витрук, изначально представляют собой феномен правосознания [Витрук 2008: 212]. К этим соображениям все привыкли, но нам требуется более глубокий взгляд на предмет – принципы права выражают дух права в той степени теоретического обобщения, в какой это нужно для выполнения роли начал права.

Ранее в юридической литературе авторы отмечали, что принципы права выражают сущность права [Hart 1965: 77; Ванеева 2015: 114; Федорова 2003: 108; Тараненко 1982: 67]. Но это прозрение оставляло досадную для юриспруденции недоговоренность, а именно: принципы права выражают собой дух права.

Подлинная метафизика обнаруживается не только в виде философских определений и рассуждений. Метафизическое пространство включает в себя действие нематериальных, неформализованных явлений, к каковым относятся и принципы права.

Тот факт, что принципы права служат примером действия духа права, подтверждается уже тем, что они обладают регулирующей силой даже в отсутствие формально-юридического закрепления в нормативно-правовых актах. Так, принцип милосердия действует повсюду непосредственно, хотя надлежащего документального выражения не получил. Эти правовые начала могут существовать в так называемом неcodифицированном виде и предопределять порядок применения норм согласно духу права.

Принципы права – это духовно-нравственные начала существования правовой системы. Они представляют собой ведущие начала формирования, развития и функционирования права. Всеобщность принципов права проявляется в том, что они распространяют свое действие на все структурные части правовой системы, включая нормативно-правовой массив, правотворчество, правореализацию, правосознание.

Действие принципов права подтверждает, что пробелы могут быть только в законах, в праве их быть не может. Так, Арбитражный суд Ивановской области в своем решении от 29.07.2004 г. по делу с участием музея-заповедника ошибочно, по мнению апелляционной инстанции, квалифицировал ситуацию как пробел в праве, в то время как имел место пробел в законе. Апелляционная судебная инстанция прямо указала, что пробелов в праве быть не может, поскольку все спорные вопросы возможно разрешить при помощи принципов права.

Принципы права по своей юридической силе всегда выше санкций правовых норм. Но между принципами также возможно выявить отношения субординации. Поэтому принцип законности не предполагает буквального применения буквы закона [Бойцова 1996: 120; Зражевская 2000: 64; Краснов 1993: 57] и не требует, чтобы санкции норм имели безусловно обязательный характер.

Принципы права являются выражением духа права, и поэтому всегда возвышаются над буквой закона. Они определяются как основополагающие и руководящие идеи, предопределяющие собой весь юридический процесс реализации права [Мироненко 2001: 88]. Не всем принципам права необходимо закрепление в букве закона, ибо все принципы права обладают прямым действием. Принципы права кладутся в основу принятия правовых решений по юридическим делам.

Предлагая свои классификации принципов права, некоторые правоведы отмечают недопустимость противопоставления принципов права друг другу, что оправдывают необходимостью комплексного подхода [Макуев 1998: 30; Березина 2012: 68; Боннер 2009: 89; Мордовец 1983: 117]. Но такая установка носит умозрительный характер и не стыкуется с обстоятельствами и потребностями юридической практики.

На самом деле между принципами права на практике всегда возникает конкуренция, которая обусловлена такой объективной причиной, как субординация принципов права. Практически по любому спору о праве принцип справедливости входит в противоречие с принципом законности, и предпочтение нужно отдавать справедливости как ценности более высокого порядка.

В системе принципов юридической ответственности нужно выделять *основные и неосновные принципы*. К основным в действительности относятся три: принцип законности, принцип справедливости и принцип милосердия. Основные принципы занимают главенствующее место в иерархии принципов права. При этом между основными принципами права тоже существует субординация – по конкретному делу вначале нужно выяснить законодательные основы вынесения решения, после этого определиться в критериях справедливости по данному делу и затем найти место милосердию в разрешении спора по существу. Движение мысли правоприменителя от принципа законности к справедливости, а затем – милосердию характеризует самостоятельные и возрастающие этапы в формировании юрисдикционного решения.

Стоять на позиции законности мало, потому что такая позиция предполагает формальный подход к делу, бездушие и ангажированность (политизированность) [Телятников 2004: 90]. Значит, от изучения всех относящихся к делу правовых норм правоприменителю следует подняться до понимания параметров справедливости принимаемого

решения. Но быть справедливым недостаточно. Одним возмездием целей юридической ответственности не достигнуть. От соразмерного воздаяния правоприменителю необходимо перейти на ступень выше – проявлять милосердие. Ибо «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7,12).

Милосердие выше справедливости, так же как справедливость превышает законности. И никаких коллизий здесь нет, здесь – жесткая иерархия духовно-нравственных ценностей. По букве закона правоприменительные решения не принимаются, иначе возникают основания для их отмены как неправовых, неправомερных. По справедливости каждого субъекта права есть за что наказать. А через милосердие предоставляется шанс на исправление образа жизни.

Важно помнить, что в процессе практического использования принципов права между ними неизбежны коллизии. В этом случае компромиссного решения между законностью и справедливостью не должно быть – решение нужно принимать в пользу справедливости. А коллизию между справедливостью и милосердием надо снимать в пользу милосердия. Любые коллизии между принципами права носят иерархический характер. Таким образом, любые коллизии принципов права следует преодолевать в пользу принципа высшего порядка, которым является принцип милосердия.

Господство права – это путь, на котором милосердие торжествует над законностью и справедливостью во имя любви человека к человеку.

Литература

- Березина Е.М.* Милосердие и справедливость: сопряженность смыслов / Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. - № 18. - С. 108-113.
- Бойцова В.В., Бойцова Л.В.* Интерпретация принципа ответственности государства за ущерб, причиненный гражданам, в практике Конституционного Суда РФ / Государство и право. - 1996. - № 4. - С. 119-127.
- Боннер А.Т.* Истина в гражданском процессе. М., 2009.
- Богданова Н.А.* Система науки конституционного права. М., 2001.
- Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. М., 2008.
- Ванеева Л.А.* О вероятности в гражданском судопроизводстве. М., 2015.
- Зражевская Т.Д., Сырых В.М.* Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих / Государство и право. - 2000. - № 3. - С. 60-68.
- Краснов М.А.* Публично-правовая ответственность представительных органов за нарушение закона / Государство и право. - 1993. - № 6. - С. 46-57.
- Макуев Р.Х.* Правонарушения и юридическая ответственность. Орел, 1998.
- Мироненко М.Б.* Принципы юридической ответственности. Тольятти, 2001.
- Мордовец А.С.* Гуманизм как принцип юридической ответственности граждан. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. М., 1983.
- Тараненко В.Ф.* Основы и принцип объективной истины в арбитражном процессе / Основы гражданского судопроизводства и развитие гражданского процессуального законодательства и теории: Сб. науч. трудов ВЮЗИ. М., 1982. С. 52-55.
- Телятников В.И.* Убеждение судьи. СПб, 2004.
- Федорова В.Г.* Принцип правового равенства и юридическая ответственность. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.
- Hart H.L.A.* The Morality of the Criminal Law. Jerusalem, 1965.

References

- Berezina, E.M. (2012). Mercy and justice: conjugation of meanings. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 18, 108-113 (in Russian).
- Bogdanova, N.A. (2001). The system of science of constitutional law. Moscow (in Russian).
- Boitsova, V.V., Boitsova, L.V. (1996). Interpretation of the principle of state responsibility for damage caused to citizens in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. State and Law, 4, 119-127 (in Russian).
- Bonner, A.T. (2009). Truth in civil proceedings. Moscow (in Russian).
- Fedorova, V.G. (2003). The principle of legal equality and legal responsibility. Dissertation for the degree of Cand. legal Sciences. Volgograd (in Russian).
- Hart, H.L.A. (1965). The Morality of the Criminal Law. Jerusalem.
- Krasnov, M.A. (1993). Public legal liability of representative bodies for violation of the law. State and Law, 6, 46-57 (in Russian).
- Makuev, R.Kh. (1998). Offenses and legal liability. Orel (in Russian).
- Mironenko, M.B. (2001). Principles of legal responsibility. Togliatti (in Russian).
- Mordovets, A.S. (1983). Humanism as a principle of legal responsibility of citizens. Dissertation for the degree of Cand. legal Sciences. Moscow (in Russian).

- Taranenko, V.F. (1982). Fundamentals and the principle of objective truth in the arbitration process. Fundamentals of civil proceedings and the development of civil procedural legislation and theory: Sat. scientific VYUZI works. Moscow, 52-55 (in Russian).
- Telyatnikov, V.I. (2004). Judge's conviction. St. Petersburg (in Russian).
- Vaneeva, L.A. (2015). On probability in civil proceedings. Moscow (in Russian).
- Vitruk, N.V. (2008). General theory of legal responsibility. Moscow (in Russian).
- Zrazhevskaya, T.D., Syrykh, V.M. (2000). Problems of legal responsibility of the state, its bodies and employees. State and Law, 3, 60-68 (in Russian).

Citation:

Сорокин В.В., Стоилов Янаки. О субординации принципов права при толковании правовых актов // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 23-26.

Sorokin V.V., Stoilov Ya. (2022). Principles of Legal Responsibility: New Criteria for Classification and Subordination. Legal Linguistics, 23, 23–26.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Появление и эволюция криминальных татуировок в России

М.А. Грачев

*Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, 303155, Нижний Новгород, Россия. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

Предлагаемый научный материал является продолжением двух предыдущих статей автора о криминальном пиктографическом письме, опубликованных в журнале «Юрислингвистика». В статье анализируются версии появления криминальной татуировки в России, прослеживаются этапы ее эволюции. Особо отмечается ее системность. Автором выделяются пять устойчивых современных групп татуировок и пять этапов существования пиктографического нательного письма. В статье акцентировано внимание на практическом использовании научного материала. Исследователю (прокурору, суду, адвокату и особенно лингвисту-эксперту) необходимы теоретические знания об истории появления татуировки в России. В статье характеризуется современное состояние данной семиотической системы, указывается, что значительная часть уголовных тату уже теряет свое первоначальное значение ввиду того, что происходит смешение криминальных татуировок с гражданскими.

Ключевые слова: криминальная татуировка, пиктографическое письмо, нательное письмо, лингвистическая экспертиза.

The Emergence and Evolution of Criminal Tattoos in Russia

M.A. Grachev

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov
31a Minina str., 31a, 303155, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

The article analyzes various points of view on the emerging of criminal tattoos in Russia, follows the stages of their evolution. Tattoo systematic character is particularly noted, as well as the beginning of its study in the 20-30s of the twentieth century. The author gives five stable modern groups of tattoos. The proposed scientific material is a continuation of the author's two previous articles on criminal pictographic bodyart published in the journal "Jurislinguistics". The periodization of the emerging of pictographic criminal bodyart deserves special attention in the article: the author identifies five stages of its existence. It is important to note that tattoo looks remained stable from the 30s to the 70s of the twentieth century. This was due to the strong positions of the elite of the criminal world – code-bound thieves. In the 70s, when the erosion of the "thieves' idea" begins, a number of tattoos lose their original meaning, especially tattoo drawings. The article focuses on the practical use of scientific material, namely: a researcher (prosecutor, court, lawyer, etc.) needs theoretical knowledge about the emerging of tattoos in Russia. These data will be in special demand by linguist-experts. The author of the article emphasizes that a significant part of criminal tattoos is already losing its original meaning, and there is also a mixture of criminal tattoos with civil ones.

Key words: criminal tattoo, pictographic writing, bodyart, linguistic expertise.

Время появления татуировок как части криминальной субкультуры не установлено, однако есть основания полагать, что это современное явление. В русском фольклоре, отражающем древнейшие бытовые традиции, мы не найдем упоминаний о татуировках. Это может быть показателем того, что на Руси понятие о татуировке в древние времена отсутствовало (см. наши ранние статьи [Грачев 1995: 285; Грачев 2009 : 287-309].

Ряд исследователей татуировок русских деклассированных элементов относит их появление к рубежу XVII–XVIII вв., хотя конкретных доказательств данной точки зрения не представляет. Заслуживает внимания лишь одна ссылка на отрывок из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: «А в бане показывал (Пугачев – М.Г.) царские свои **знаки** на грудях: на одной двуглавый орел, величиной с пятак, а на другой персону его» [Пушкин 1988: 78]. Возможно, это свидетельствует о том, что россияне уже в XVIII в. имели понятие о татуировках, хотя сотрудниками правоохранительных органов того времени они не фиксировались и не исследовались. Однако, скорее всего,

«царские знаки» Емельяна Пугачева были не чем иным, как дефектами кожного покрова. Доказательством этого является утверждение самого А.С. Пушкина, описывающего внешность крестьянского вождя в историческом исследовании «История Пугачева»: «... на обеих грудях, назад тому третий год, были **провалы...**» [Пушкин 1988: 44], – т.е., вероятно, шрамы, а не пиктограммы.

Ничего не говорится о татуировках деклассированных элементов и в более поздних источниках, посвященных описанию криминального уклада в России. Ни в жизнеописании знаменитого преступника Ваньки Каина (Ивана Осипова), ни в художественных произведениях, например, Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого Дома» (1862), научно-публицистическом исследовании С.В. Максимова «Несчастные» (1872), сведений о нанесении нательных изображений нет.

В русской справочной литературе начала XX в. указывается, что татуировки характерны для негров, японцев, представителей некоторых религиозных сект, и ничего не говорится о татуировках русских преступников [Малый энциклопедический словарь 1994: 168]. По свидетельствам криминалистов, профессиональные уголовники конца XIX – начала XX вв. в большинстве своем избегали татуироваться, чтобы не создать лишнюю улику [Мильяненко 1992: 7].

Казалось, должно быть хотя бы упоминание о татуировках в рукописи П.П. Ильина «Исследование жаргона преступников» (1908 г.). Однако блестящее описание преступного мира под руководством знаменитого И.А. Бодуэна дэ Куртенэ не содержало даже упоминаний о татуировках, тогда как многие элементы субкультуры криминального мира в его исследовании тщательно изучены: арг, пословицы и поговорки, этикетные правила профессиональных преступников, уголовные песни и проч. Исследователь П.П. Ильин, отбывавший наказание в Иркутской Александровской каторжной тюрьме и хорошо знавший быт уголовного мира Сибири, не мог бы пройти мимо такого важного атрибута тюремной субкультуры, как татуировка. Одним из первых, кто указал на появление татуировок у преступников в России, был киевский криминальный журналист Г.Н. Брейтман. «Человеческие силы, к которым теряется уважение, – писал он в 1901 г., – тратятся на пустяки, не стоящие стольких трудов, стараний и времени. Люди растрачивают свою энергию без нужды, лишь вследствие потребности утилизировать ее на что-нибудь без всякого определенного и серьезного результата, как белка в клетке. И вот арестанты, например, татуируют себя; в тюрьме можно увидеть людей с такой татуировкой на всем теле, что хоть сейчас его в любой музей – показывать за деньги. На татуировки тратится масса времени и стараний, и производится она в тюрьме положительно всеми цветами. Целые картины можно увидеть на груди и спине арестанта: корабли, флаги, огромные якоря, гербы, имена, фамилии, пословицы молитвы и т. д.» [Брейтман 1901: 62]. К сожалению, журналист не приводит подробную характеристику татуировок. Но из его описания все же напрашиваются некоторые выводы: уже на рубеже XIX и XX вв. для нанесения тату использовались разноцветные краски, причем сами тату включали как вербальные компоненты, так и изобразительные (см. также об этом [Грачев 1995, 2009, 2020, 2021]).

Известно, что в начале XX века татуировки получили распространение на острове Сахалин – месте ссылки различных уголовников-рецидивистов. Вероятно, под сильным воздействием местных народов: японцев, алеутов, коряков и проч., они начали наносить на тело свои специфические изображения, связанные с уголовными законами и укладом исправительных учреждений.

Изначально татуировки в России были присущи в основном только деклассированным элементам и морякам [Кучинский 1998: 4]. Хотя здесь требуется уточнение: именно моряки принесли моду на татуировки. Излюбленной татуировкой у матросов являлся *якорь* как своеобразная примета принадлежности к морскому братству. Заметим, что данный рисунок распространен и у моряков других стран, например, у англичан, голландцев, испанцев и проч. У русских уголовников он также встречается, но с характерным значением – прекращение криминальной деятельности («завязал воровать»).

У бойцов Красной Армии татуировки отсутствовали. Любопытно, что среди солдат итальянской армии в XIX в. было 45 % татуированных, тогда как среди преступников – всего лишь 7 % [Ломброзо 1892: 34]. Следует отметить, что современные российские солдаты, воспринимая романтику профессиональных преступников, нередко наносят воровские татуировки, особенно это характерно для строительных войск (стройбата), где имеется много армейцев с уголовным прошлым. Из специфических солдатских татуировок можно отметить рисунки, изображающие парашют (знак принадлежности к воздушно-десантным войскам – ВДВ), группу крови, резус-фактор, из аббревиатур – ЗГВ («Западная группа войск», до 1991 г.) и др.

Таким образом, время появления русских криминальных татуировок следует разделить на пять этапов. Первым этапом следует, пожалуй, считать длительный период в российской истории, когда в качестве наказания за преступление использовалось клеймение. Данный этап завершился в 1863 г. с отменой Александром III данного вида наказания. С этого времени у русских преступников стали появляться татуировки, нанесенные добровольно.

В двадцатом веке культура нательных изображений пережила несколько отчетливо определяемых периодов:

- появление примитивных татуировок (с начала XX в. до 20-х г. XX в.),
- формирование жесткой татуировочной иерархии (конец 20-х г. XX в. – 70-е г. XX в.),
- распад криминальной системы татуировок в связи с постепенным исчезновением *воровской идеи* (конец 70-х – 2000 г.) [Грачев 2009],
- смешение криминальных тату с гражданскими (с 70-х гг. XX в. по настоящее время).

Отсутствует упоминание о татуировках и в знаменитой работе Д.С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935 г.). Несмотря на то что в работе перечислены (точно так же, как и его предшественниками Г. Брейтманом и П. Ильиным) многие элементы уголовной субкультуры (арго, тайные языки, песни, клички), о татуировках им сказано очень мало. Можно лишь предположить, что в то время воровские тату еще не сложились как

семеотическая система. В виде татуировок на тело преступника в обязательном порядке наносилось его прозвище. «Каждый вор, – писал Д.С. Лихачев, – имеет свою кличку. Он татуирует ее или символ у себя на теле и не меняет ее даже тогда, когда она становится известной уголовному розыску» [Лихачев 1995: 72].

Криминалисты вначале изучали татуировки в целях идентификации и опознания. В первые же годы Советской власти была даже введена обязательная регистрация татуировок криминогенного контингента [Милюяненков 1992: 14]. По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимание на татуировки. Почти ничего не сказано о криминальных татуировках в трудах 20-30 гг. XX в. исследователей аргю Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского и др. Вероятно, причиной этому послужили трудность в сборе материала, труднодоступность данной темы для исследования и, наконец, отношение к пиктограммам как к недостойному предмету изучения.

В чем заключается интерес изучения татуировки для лингвиста? Некоторые языковеды считают, что «воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему», которая называется «пиктографически-идеографической» [Шарандина 2000: 74].

Расцвет русской криминальной татуировки пришелся на 30-е годы XX в., когда возникла элита уголовного мира – *воры в законе*. Изначально признаком *вора в законе* была нагрудная татуировка креста с распятым Иисусом Христом и с ангелом(ами). Другая распространенная религиозная татуировка – купола на храме, количество которых обозначало число заключений в исправительные учреждения. Вероятно, это связано с тем, что НКВД в 20-х – 30-х гг. XX в. нередко приспособивал церкви под пересыльные тюрьмы. Нередко осужденные наносят на тело татуировки в виде Богородицы с младенцем и Святого Семейства; изображение Бога на небе с крестом в руках, что является воровским оберегом. Религиозный символ креста используется и в татуировке «*Спаси от легавых и суда*». Данная группа татуировок является еще и символом «святости воровского дела». Пожалуй, распространение татуировок в криминальном мире в полной мере объясняют слова Д.С. Лихачева о том, что чувства бравады и хвастовства, которые присущи всем профессиональным преступникам, перевешивают стремление к конспирации.

Изучение криминальных татуировок в России началось в середине 20-х годов XX в. Исследование обычаев русской преступности показало, что преодоление стихийного использования татуировок и преобразование их в особую семиотическую систему произошло в 30-х гг. XX века.

Тюремный рисунок содержал скрытый смысл и указывал на конкретную преступную «специализацию» его хозяина. Это помогло ему быстрее устанавливать контакты с уголовником своей «масти». Формирование натальной символики в криминальной России длилось почти полвека, и к 50-м годам XX века преступный мир уже имел свою систему татуажа. Тогда же «узаконилось» право на ношение конкретной татуировки согласно неофициальному статусу в пенитенциарной системе. Татуировки могли расшифровывать так называемые *блатари*, жившие по *воровским законам*. Кожа тела уголовника превратилась в его личное дело, доступное для чтения далеко не каждому. Неспособность доказать достоверность символики, ложность натальной информации могло повлечь наказание ее носителя. За «имитацию» лагерного *авторитета* следовала смерть. Профессиональные преступники защищали свои рисунки от подделок, придумывая новые символы, неприметные, но обязательные детали татуировок.

В 70-е годы, когда начинается размывание «воровской идеи», ряд татуировок теряет свой первоначальный смысл, особенно это касается татуировок-рисунков. По словам А.И. Гурова, в этот период «татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов» [Гуров 1990: 114].

В современных криминальных татуировках можно выделить ряд устойчивых семиотических групп:

1. Татуировки, свидетельствующие об отбывании наказания в ИУ: четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них еще одна точка; колючая проволока.

2. Татуировки наркоманов: *паук в паутине* – «наркоман», изображение *джина, курящего гальян* – «курильщик гашиша».

3. Татуировки, которые наносятся насильно: *синяк под глазом, точки около губ, корона вора в законе, выколота на спине*, – все они обозначают *опущенных* (низшую касту криминального мира).

4. Татуировки-аббревиатуры: ТОН – «тайное общество наркоманов», ТОНЯ – «тайное общество наркоманов; я – его член».

5. Татуировки-высказывания, см. примеры: «*Уйду бродягою и воровом*», «*Сила выше права*».

Как утверждал криминалист Л. Милюяненков, в 90-е годы XX в. особое внимание правоохранители обращали на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: *черепа, корона* – символы лиц, стремящихся к власти в криминальном мире; *тигр* или *другой хищник* – ярость, непримиримость; *кинжал, нож, меч, топор* – месть, угроза, твердость, жестокость; *ключ* – сохранение тайны; *палач* – чти закон воров. Именно носители этих рисунков были наиболее агрессивны и способны на самые жестокие преступления [Милюяненков 1992: 28].

В ранних татуировках отсутствуют политические мотивы (*воры в законе* не должны были иметь никаких контактов с официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, служить в армии и проч.). При размывании же «воровской идеи» в 70-х годах XX в. в криминальных татуировках появляются семантика «взаимоотношение вс властью». Особенно много политических татуировок возникло в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. См., например, татуировку, изображающую географическую карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой, или черепами на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего наносятся на ногах): *КПСС приведет всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство – ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее – коммунизм; ВКП(б) – всероссийское крепостное право большевиков*.

В настоящее время криминальные тату не исчезли бесследно: они трансформировались, приспособились к новым условиям, часть из них активно используется законопослушной молодежью.

Литература

- Брейтман Г.Н. Преступный мир: Очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901.
- Грачев М.А. К вопросу о функциях арг / Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1995. S. 287-309.
- Грачев М.А. Табуизированные слова в русской воровской речи / Субстандартные варианты славянских языков: Избранные статьи. Франкфурт-на-Майне, 2009. С. 87-97.
- Грачев М.А. Интервенция криминального языка / Наука и жизнь. - 2009. - № 4. - С.128-132.
- Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.
- Грачев М.А. Тайны забытой рукописи П.П. Ильина «Исследование жаргона преступников». М., 2020.
- Грачев М.А. Проблемы изучения пиктографического письма экспертами-лингвистами / Юрислингвистика. - 2021. - №20(31). - С. 9-13.
- Грачев М.А. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму / Юрислингвистика. - 2021. - №21(32). - С. 26-30.
- Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М., 1990.
- Ильин П.П. Исследование жаргона преступников. Рукопись 1912 г. СПб., 1912. Рукописн. отдел; шифр 25.4.7.
- Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Паханы, авторитеты, воры в законе: Энциклопедия. Донецк, 1997.
- Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского арг / Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 113—130.
- Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.Н. Белко, И.М. Юсупов. М., 1992.
- Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступлениях. СПб., 1892.
- Мильяненко Л.А. По ту сторону закона. СПб., 1992.
- Пушкин А.С. История Пугачева. Горький, 1988.
- Шарандина Н.Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте. Дисс. канд.наук. Тамбов, 2000.

References

- Breitman G.N. Underworld: Essays from the life of professional criminals. Kyiv, 1901. (in Russian).
- Grachev M.A. On the question of the functions of slang / Wiener slawistischer Almanach. Vienna, 1995. S. 287-309. (in Russian).
- Grachev M.A. Taboo words in Russian thieves' speech / Substandard variants of Slavic languages: Selected articles. Frankfurt am Main, 2009, pp. 87-97. (in Russian).
- Grachev M.A. Criminal Language Intervention / Science and Life. - 2009. - No. 4. - P.128-132. (in Russian).
- Grachev M.A. Linguistic criminalistics. Nizhny Novgorod, 2009. (in Russian).
- Grachev M.A. Secrets of the forgotten manuscript of P.P. Ilyin "Study of the jargon of criminals". M., 2020. (in Russian).
- Grachev M.A. Problems of studying pictographic writing by expert linguists / Jurislinguistics. - 2021. - No. 20 (31). - S. 9-13. (in Russian).
- Grachev M.A. On the question of constructing a methodology for establishing a person's belonging to the highest criminal hierarchy based on pictographic criminal writing / Jurislinguistics. - 2021. - No. 21(32). - S. 26-30. (in Russian).
- Gurov A.I. Professional crime: past and present. M., 1990. (in Russian).
- Ilyin P.P. Exploring the jargon of criminals. Manuscript 1912 St. Petersburg, 1912. Manuscript. the Department; code 25.4.7. (in Russian).
- Kuchinsky A.V. Criminals and crimes. Laws of the underworld. Godfathers, authorities, thieves in law: Encyclopedia. Donetsk, 1997. (in Russian).
- Larin B.A. Western European elements of Russian thieves' slang / Language and Literature. L., 1931. T. 7. S. 113-130. (in Russian).
- Likhachev D.S. Features of the primitive primitivism of thieves' speech: Dictionary of prison-camp-thieves jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison) / Authors-compilers D.S. Baldaev, V.N. Belko, I.M. Yusupov. M., 1992. (in Russian).
- Lombroso Ch. Recent advances in the science of crimes. SPb., 1892. (in Russian).
- Milyanenko L.A. On the other side of the law. SPb., 1992. (in Russian).
- Pushkin A.S. History of Pugachev. Gorky, 1988. (in Russian).
- Sharandina N.N. Argotic vocabulary in a functional aspect. Diss. Candidate of Sciences Tambov, 2000. (in Russian).

Citation:

Грачев М.А. Появление и эволюция криминальных татуировок в России // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 27-30.
 Grachev M.A. (2022). The Emergence and Evolution of Criminal Tattoos in Russia. Legal Linguistics, 23, 27–30.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Лингвоправовой характер электронного письма (из практики судебной лингвистической экспертизы)¹

Е.В. Новгородова

*Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, 650000, Кемерово. E-mail: novgorodova.ev@mail.ru*

Статья представляет иллюстрацию лингвоэкспертной практики. Анализируется текст электронного письма на предмет выявления негативной информации, верификации характера выражения высказывания в форме утверждения о фактах или оценочного суждения, определения уровня оскорбительности фразы и ее репрезентации в виде угрозы. Конкретным материалом исследования является интернет-текст, функционирующий в сфере виртуальной деловой переписки. Отраженная в статье процедура анализа демонстрирует применение традиционных в лингвоэкспертной практике методов: пропозиционального, контекстуального, дистрибутивного и лексико-семантического описания слов и выражений. Представленный фрагмент лингвистической экспертизы выступает иллюстрацией содержательно-смыслового и формально-языкового исследования конфликтного текста в рамках судебного разбирательства. Результатом описания является выявление лингвистических маркеров правового характера: наличие негативной информации, вербализированной в форме утверждения, и оскорбительного выражения, направленного на унижение чести и достоинства объектов высказывания. Прикладная значимость исследования определяется как пополнением лингвоэкспертной практики, так и возможностью использования результатов в качестве профилактических мероприятий, направленных на снижение речевой агрессии в сфере деловой интернет-коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, юридическая лингвистика, негативная информация, оскорбление.

The Linguistic and Legal Nature of the Email (from the Practice of Forensic Linguistic Expertise)

E.V. Novgorodova

*Kemerovo State University
6 Krasnaya str., 650000, Kemerovo. E-mail: novgorodova.ev@mail.ru*

The article presents an illustration of linguo-expert practice. The text of the email is analyzed in order to identify negative information, verify the nature of the expression of the statement in the form of a statement of facts or value judgment, determine the level of offensiveness of the phrase and its representation in the form of a threat. The specific research material is an Internet text functioning in the field of digital business correspondence. The analysis procedure reflected in the article demonstrates the use of traditional methods in linguo-expert practice: propositional, contextual, distributive and lexico-semantic description of words and expressions. The presented piece of linguistic expertise serves as an illustration of the content-semantic and formal-linguistic study of the conflict text in the framework of the trial. The result of the description is the identification of linguistic markers of a legal nature: the presence of negative information verbalized in the form of an assertion, and offensive expressions aimed at abasement of human dignity of the objects of the statement. The applied significance of the study is determined both by the expansion of linguistic expert practice and the possibility of using the results as preventive measures aimed at reducing speech aggression in the field of business Internet communication.

Key words: expertise, legal linguistics, negative information, insult.

¹Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-412-420004 р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе»

Современная юрислингвистическая практика наглядно иллюстрирует процессы активизации лингвоправовых конфликтов в интернет-коммуникации. Исследователи выделяют ряд факторов конфликтогенности виртуального общения: неразличение признаков публичного и личного общения; анонимность, отсутствие прямого вербального и невербального контакта; растяннутость коммуникации во времени, круглосуточная доступность сети; ослабление традиционных этических запретов; стилистическая сниженность речевой культуры коммуникации и т. д. [Иваненко 2020].

Онтологические признаки интернет-пространства наделяют его не только коммуникативным, но и криминогенным статусом. «Во-первых, пользователи глобальной Сети ощущают вседозволенность, злоупотребляют правом свободно искать и получать информацию, правами на свободу слова, свободу мысли, свободу совести, свободу СМИ, посягая на права других лиц... Во-вторых, пользователи могут становиться жертвами массированных информационных атак, направленных на распространение фейковых, диффамационных сведений, экстремистско-пропагандистской, суицидально-пропагандистской и иной деструктивно-криминогенной информации» [Никишин 2020: 79].

Подобные процессы способствуют тому, что объектами судебной лингвистической экспертизы на современном этапе ее развития становятся речевые высказывания, фразы, распространенные в Интернете. В данном аспекте под речевой агрессией понимается «процесс и результат экспликации деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний в продукты речевой деятельности с целью причинения другому лицу морального вреда, в том числе путем угроз, коммуникативного давления на адресата, демонстрации превосходства адресанта и т. д.» [Никишин 2020: 82].

Фактологической базой лингвистических экспертиз становятся различные жанры интернет-коммуникации: сообщения в мессенджерах, статьи, посты, рекламные слоганы и т. д. В практике проведения судебных лингвистических экспертиз неоднократно высказывалась мысль об обусловленности конфликтного характера текста, ставшего предметом судебного разбирательства, фактором жанровой специфики. Как подчеркивают исследователи, «анализ экспертной теории и практики свидетельствует о недооценке жанрово-стилистического анализа как практического средства разрешения информационного конфликта в современном лингвоправовом поле» [Иваненко 2012: 96]. Между тем генристические характеристики наряду с другими маркерами деструктивного интернет-поведения (интерактивность, дезавторизация, мультипликативность, визуализация и т. д.) во многом обуславливают создание текстового продукта, представляющего собой противоправный вербальный инструментарий [Лавицкий, Дединкин 2021].

Конкретным материалом настоящей статьи является письмо, пришедшее на электронный адрес одной из коммерческих организаций, выступившей впоследствии истцом судебного процесса. Как представляется, попадание текста деловой переписки в лингвоправовое поле во многом обусловлено нарушением конститутивных жанровых признаков эпистолярного дискурса, среди которых выделяются правила социальности, попеременного обмена сообщениями, побуждения к взаимодействию, моделирования действительности и т. д.

Несоответствие репертуару правил электронной переписки провоцирует создание конфликтной коммуникативной ситуации, компонентами которой могут выступать как структурные, так и содержательные элементы высказывания. В данном отношении конфликтный текст рассматривается в аспекте отражения «коммуникативной цепочки «АВТОР – ТЕКСТ – АДРЕСАТ» в ее «адресатоцентричном» направлении, т. е. анализе не «слева направо» («автороцентричный»), а «справа налево», ориентируясь на интеракционную модель коммуникации» [Ким, Голев 2008: 144].

Выбор различных стратегий речевого поведения, избираемых коммуникантами в ходе делового общения, порождает экспликацию речевой агрессии, при анализе которой исследователи, как правило, обращают внимание на крайние ее формы, которые обусловлены осознанным нарушением прав собеседника в процессе конфликтогенной коммуникации или манипулятивным характером действий субъекта коммуникации. Однако необходимо отметить, что речевая агрессия имеет более сложную структуру и ее репрезентация может быть связана не только с правонарушением, но и с неосознанным нарушением правил речевой коммуникации, не выходящим за границы правовой свободы индивида [Громова 2016: 176].

В юрислингвистической практике понятие «речевая агрессия», как правило, отождествляется с проявлением разных форм оскорбления. При таком подходе основным показателем вербальной агрессии выступают как стилистически маркированные языковые и речевые средства, так и прагматико-ориентированные единицы описания (интенции, перлокуции, пресуппозиции). «С точки зрения права конфликтные тексты, содержащие языковую агрессию, могут иметь признаки следующих правонарушений: оскорбление, угроза, унижение чести и достоинства, речевой экстремизм» [Доронина 2016: 54]. Исследование данных лингвоюридем предполагает применение традиционных в лингвоэкспертной практике методов пропозиционального, контекстуального, дистрибутивного и лексико-семантического описания слов и выражений.

Цель настоящей статьи – иллюстрация содержательно-смыслового и формально-языкового анализа текста электронного сообщения в рамках судебного разбирательства. Содержание письма, попавшее в поле лингвоправового рассмотрения, выражено тремя предложениями: «*Вы конченые клоуны-дебилы или как? Это лично Петрову и Иванову, ну и всем участвующим. Ваня, тебе особенный мой личный привет*» (фамилии адресатов изменены).

На разрешение эксперта было поставлено 4 вопроса:

1. Содержится ли в тексте электронного письма негативная информация о конкретных лицах? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?

2. В какой форме – утверждения о фактах или оценочного суждения – представлена негативная информация?

3. Носят ли высказывания, относящиеся к конкретным лицам, оскорбительный характер?

4. Присутствует ли в тексте электронного письма угроза?

Проведенный анализ доказывает, что в тексте представленного для проведения лингвистической экспертизы электронного письма содержится негативная (отрицательная) информация в отношении конкретных лиц. Под негативной информацией в данном случае понимается отрицательная оценка лица, о котором идет речь в высказывании. Подобное представление негативной информации базируется на определении категории оценки, под которой в лингвистике и практике проведения судебных лингвистических экспертиз понимается «выражение оценки, которая распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой» или их конкретные разновидности (добрый, злой и др.) [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004: 26, 30].

В анализируемом тексте электронного письма негативная информация содержится в словосочетании «конченые клоуны-дебилы», входящем в состав высказывания «Вы конченые клоуны-дебилы или как?». Словосочетание «конченые клоуны-дебилы» обладает прямой негативной оценкой, характеризующей субъект высказывания, т. е. лицо, о котором говорится в предложении. Отрицательная оценочность выделенного словосочетания подтверждается данными современных словарей:

Конченный человек (разг.). Человек, ни на что больше не способный, от которого уже ничего нельзя ждать в будущем.

Дебил. Бранно. О тупом, несообразительном человеке [Большой толковый словарь русского языка 2014].

В приведенных словарных определениях содержатся смысловые компоненты, указывающие на:

- отрицательную характеристику социальных, профессиональных и личностных способностей субъекта высказывания («человек, ни на что больше не способный»);
- отрицательную характеристику социальной нужности субъекта высказывания («человек, от которого уже ничего нельзя ждать в будущем»);
- отрицательную характеристику интеллектуальных способностей человека («тупой, несообразительный человек»).

В конфликтном тексте электронного письма представлена авторская лексическая единица «клоуны-дебилы», не отраженная ни в одном лексикографическом справочнике. В современных толковых словарях представлено переносное значение слова клоун – «о человеке, разыгрывающем в обществе роль шута» [Большой толковый словарь русского языка 2014]. Данное слово обладает негативным семантическим потенциалом, раскрывающим притворный и лицедейский характер поведения именуемого лица.

Использование слова клоун в сочетании «клоуны-дебилы» наделяет выражение двойной отрицательной оценочностью, подчеркивающей речевую агрессию говорящего. Как показывает практика проведения лингвистических экспертиз конфликтных текстов, подобные контекстуальные лексические единицы создаются с целью прямого оскорбления и выражения эмоционального напряжения говорящего/пишущего.

Высказывание «Вы конченые клоуны-дебилы или как?» обладает адресным характером. Структура предложения включает грамматический маркер в виде личного местоимения 2 лица множественного числа «Вы», однозначно указывающего на обращение к субъекту высказывания. Конкретизация субъекта высказывания, в адрес которого направлена негативная характеристика, содержится в следующем за анализируемым высказыванием предложении: «Это лично Петрову и Иванову, ну и всем участвующим». Логическая связь двух предложений доказывается использованием местоименного существительного «это», которое употребляется как указательное слово на границе двух предложений, из которых второе является объяснением первого.

Структурно-семантический анализ двух предложений позволяет утверждать, что в высказывании «Вы конченые клоуны-дебилы или как?» содержится негативная информация, содержащая отрицательную характеристику следующих лиц: *Петрова*, представленного в виде конкретного субъекта высказывания; *Иванова*, представленного в виде конкретного субъекта высказывания; *участвующих*, представленных в виде неопределенной группы лиц.

Обращение автора электронного письма к конкретным лицам усиливается употреблением наречия «лично», подчеркивающим адресный характер интернет-послания. Все обозначенные субъекты высказывания наделяются ярко отрицательной оценочностью, иллюстрирующей речевую агрессию адресанта.

При ответе на вопрос о форме представления негативного высказывания лингвист-эксперт исходил из теоретических предпосылок, согласно которым информация может быть высказана как утверждение, предположение или мнение. Установление формы позволяет определить, фактологический (в форме утверждения) или оценочный (в форме предположения и мнения) характер имеет информация, содержащаяся в текстах [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004: 28, 31].

В предоставленном для проведения экспертизы тексте электронного письма содержится негативная информация, представленная в форме утверждения об отрицательных характеристиках конкретных лиц. По структурно-смысловой организации высказывание негативного характера «Вы конченые клоуны-дебилы или как?» представляет собой вопросительно-риторическое предложение, содержащее утверждение в форме вопроса, на который не требуется ответ.

Структура и тип анализируемого предложения позволяют отнести его к высказыванию-мнению, выраженному в форме утверждения. Данное предложение является вопросительным по форме, но утвердительным по содержанию,

на что указывает следующая за ним фраза, подчеркивающая адресный характер всего электронного письма: «*Это лично Петрову и Иванову, ну и всем участвующим*». Конкретизация группы субъектов наделяет фразу «*Вы конченные клоуны-дебилы или как?*» утвердительным характером. Риторический вопрос в данном случае направлен не на выражение мнения автора письма, а на создание повышенной эмоциональной тональности текста. Коммуникативным намерением автора является не постановка вопроса и получение ответа на него, а утверждение отрицательной характеристики конкретных лиц, обозначенных в тексте электронного письма.

Проведенный контекстологический анализ позволяет констатировать, что выделенный фрагмент по формально-содержательным признакам является высказыванием, в котором утверждается отрицательная характеристика конкретной группы лиц. Установление оскорбительного характера данных фраз относится к одному из спорных в лингвоэкспертной практике вопросов.

При установлении оскорбительного характера конфликтного высказывания эксперты, как правило, исходят из следующих теоретических представлений: «*Оскорбление* – выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности, унижающая честь и достоинство этой личности. При оскорблении унижение чести и достоинства выражается в отрицательной оценке личности, такая оценка умаляет его достоинство в глазах окружающих и наносит ущерб уважению самого себя. Оскорбление как уголовно наказуемое деяние должно быть выражено в неприличной, то есть циничной форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004: 30].

Между тем «приведенное определение обнажает и основную проблему, которая встает перед экспертом-практиком, осуществляющим оценку акта речевой агрессии. Навязанное формулировкой закона понятие «неприличная форма» до сих пор не поддается определению, поскольку в экспертном сообществе нет единодушия в том, какой слой субстандартной лексики следует признать лишенным приличия. Этим объясняются и трудности создания экспертной методики по данной категории дел» [Доронина 2016: 55].

Исходя из нормативного определения, отражающего понимание категории *оскорбительность* в лингвоэкспертной практике, ядерными признаками речевого акта «оскорбление» являются:

- 1) *форма выражения*: неприличная, циничная форма, противоречащая принятым общественным нормам;
- 2) *характер выражения*: отрицательная оценка личности;
- 3) *цель выражения*: унижение чести и достоинства личности, нанесение ущерба уважению самого себя.

Анализ с опорой на данные лингвоправовые конститuentы позволяет сделать вывод о том, что в тексте представленного для проведения лингвистической экспертизы электронного письма содержится оскорбление в отношении конкретных лиц. Прямым оскорблением является высказывание «*Вы конченные клоуны-дебилы или как?*». Данное высказывание обладает всеми выделенными выше признаками речевого акта «оскорбление».

Форма выражения. По форме представления лексические единицы *конченные* и *дебилы* относятся к группе слов, имеющих неприличную форму выражения, о чем свидетельствует их отражение в современном словаре ненормативной лексики русского языка: **Конченный**. Разг. Пропащий, ни на что больше не способный [Квеселевич 2005: 351]. **Дебил** (прост., пренебр.). Умственно отсталый, слабоумный; дурень, тупица [Квеселевич 2005: 165].

Зафиксированность данных слов в «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка», входящем в перечень рекомендованных для судебной лингвистической экспертизы справочников, подтверждает их оскорбительный характер. Одним из лингвистических показателей неприличного характера лексических единиц является маркированность в виде указания стилистических помет, определяющих сферу употребления и эмоциональное содержание анализируемых слов: *разговорное, просторечное, пренебрежительное*.

Неприличная форма выражения подчеркивается и в нормативных толковых словарях, которые сопровождают слово *дебил* стилистической пометой *бранное*: **Дебил**. Бранно. О тупом, несообразительном человеке [Большой толковый словарь русского языка 2014]. Использование в тексте электронного письма авторского сочетания *клоуны-дебилы* усиливает эмоциональный потенциал слова, что способствует большему оскорбительному эффекту.

Характер выражения. Как уже было отмечено при ответе на вопрос 1, фраза «*Вы конченные клоуны-дебилы или как?*» направлена на выражение отрицательной оценки конкретных лиц. Обозначенные в тексте электронного письма субъекты высказывания (*Петров, Иванов* и группа *участвующих*) наделяются отрицательной характеристикой своих социальных, профессиональных, личностных и интеллектуальных способностей.

Цель выражения. Эксплицированная в письме отрицательная оценка преследует коммуникативную цель пишущего, связанную с унижением чести и достоинства обозначенных субъектов высказывания. Отраженная в сочетании «*конченные клоуны-дебилы*» ярко негативная социальная и личностная оценка подчеркивает неполноценность и ущербность лиц-адресатов.

Подобный вывод подкрепляется экспериментальными данными, представленными в диссертации А.А. Бедулиной «Лингвоконфликтологическое описание лексем с оскорбительной семантикой» (Кемерово, 2018). Сопоставляя юридическое и обыденное толкование лексических единиц с оскорбительной семантикой, автор приводит результаты лингвистического опроса по поводу оскорбительного характера группы слов, в числе которых оказалось и слово *дебил*.

Как показали результаты анкетирования, преобладающая часть респондентов, которыми выступили представители разных социальных и возрастных групп, указали высокий степень оскорбительности слова *дебил*: 74 % опрошенных ответили положительно на вопрос о том, является ли данное слово оскорбительным с точки зрения общепринятых норм культуры. При этом аргументация положительного ответа в большинстве случаев базировалась на унижении чести и достоинства лица, которого называют данным словом: «*Это слово является оскорбительным,*

так как несет в себе смысл крайне негативный, отражает личное отношение и имеет цель не отразить состояние кого-либо, а оскорбить и задеть чувства того, по отношению к кому сказано»; «Это слово является оскорбительным, потому что унижает достоинство человека» и т. д. [Бедулина 2018: 73].

Верификация коммуникативных признаков угрозы в тексте электронного письма способствовала обращению к генристическим исследованиям, согласно которым угроза рассматривается как акт речевой агрессии, под которой понимается «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [Словарь по русской речевой культуре 2006: 340].

В лингвоэкспертной практике различают два вида угрозы: *угроза-наказание*, которая реализуется в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует, и *угроза-предупреждение*, которая используется в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это» [Баранов 2013: 70–71].

Показателями наличия акта речевой угрозы являются: грамматические конструкции (глагольная лексика, тип предложения, направленность высказывания в будущее); семантическое наполнение высказывания (приказ, просьба, предостережение); имплицитные (скрытые, подразумеваемые) смыслы, которые извлекаются из анализа внеязыковой ситуации, общего фонда знаний и т. п.

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что в предоставленном тексте электронного письма не содержится речевой акт угрозы. Последнее предложение текста «*Ваня, тебе особенный мой личный привет*» не содержит грамматических и семантических показателей наличия акта речевой угрозы. В выделенном предложении отсутствует глагольная лексика, являющаяся одним из ядерных маркеров угрозы, нет проекции высказывания в будущее, не содержатся лексические единицы, выражающие приказ, просьбу или предостережение. В письме отсутствует информация о том, что, во-первых, адресат сделал что-то нежелательное для говорящего, во-вторых, о том, что говорящий предупреждает о наказании.

В данном случае речь может идти о намеке говорящего на предшествующую ситуацию, известную субъекту высказывания. Но поскольку контекст электронного письма не позволяет выделить данные скрытые смыслы, анализируемый текст не может быть определен как угроза-наказание или угроза-предупреждение. Имеющийся в распоряжении лингвиста-эксперта языковой материал не позволяет соотнести анализируемое высказывание «*Ваня, тебе особенный мой личный привет*» с предшествующим процессом коммуникативного взаимодействия автора письма и субъекта высказывания, а также не дает возможности распознать общий характер социальных и личных взаимоотношений адресанта и адресата. Следовательно, квалифицировать текст электронного письма как угрозу не представляется возможным.

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что текст электронного письма содержит негативную информацию в виде отрицательной характеристики конкретных лиц и неопределенной группы лиц, оскорбительное выражение, направленное на унижение чести и достоинства субъектов высказывания. Формально-содержательные признаки жанра угрозы отсутствуют. Лингвистическая экспертиза иллюстрирует необходимость учета в экспертной практике таких существенных текстовых констант, как жанровая природа и прагматическая организация высказывания.

Литература

- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2013.
- Бедулина А.А. Лингвоконфликтологическое описание лексем с оскорбительной семантикой». Кемерово, 2018.
- Большой толковый словарь русского языка. гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб, 2014.
- Вепрева И.Т., Купина Н.А. Экспертный лингвистический анализ спорного текста : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2018.
- Громова Н.С. Речевая агрессия: от коммуникативных ошибок до правонарушений / Юрислингвистика. - 2016. - №5. - С. 173–189
- Доронина С.В. Речевая агрессия как источник правонарушений / Филология и человек. - 2016. - №2. - С. 53–61
- Иваненко Г.С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности / Юрислингвистика. - 2020. - №18. - С. 21–25.
- Иваненко Г.С. Роль жанрово-стилистического анализа в судебном исследовании конфликтного текста / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2012. - №7 (18): в 2-х ч. Ч.1. - С. 96–100
- Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М., 2005.
- Ким Л.Г., Голев Н.Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма / Сибирский филологический журнал. - 2008. - №1. - С. 144–153.
- Лавицкий А.А., Дединкин А.Л. Динамика современного деструктивного дискурса / Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. - 2021. - №5 (114). - С. 48–55.
- Никишин В.Д. Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной интернет-коммуникации / Вестник университета им.О.Е. Кутафина. - 2020. - №6 (70). - С. 79–88.
- Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2004.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004.
Российская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М., 2010.
Словарь по русской речевой культуре. М., 2006.
Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2005.

References

A large explanatory dictionary of the Russian language. (2014). Ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg (in Russian).
Baranov, A.N. (2013). Linguistic expertise of the text. Theoretical foundations and practice. Moscow (in Russian).
Bedulina, A.A. (2018). Linguoconflictological description of lexemes with offensive semantics. Kemerovo (in Russian).
Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists (2004). Edited by A.K. Simonov and M.V. Gorbanevsky. Moscow (in Russian).
Controversial media texts and Lawsuits: Publications. Documents. Expertise. Comments of linguists (2005). Edited by prof. M.V. Gorbanevsky. Moscow (in Russian).
Dictionary of Russian speech culture. (2006). Moscow (in Russian).
Doronina, S.V. (2016). Speech aggression as a source of offenses. *Philology and man*, 2, 53–61 (in Russian).
Gromova, N.S. (2018). Speech aggression: from communicative mistakes to offenses. *Jurislinguistics*, 5, 173–189 (in Russian).
Ivanenko, G.S. (2012). The role of genre-stylistic analysis in the judicial study of a conflict text. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 7 (18): in 2 ch. Ch.I., 96–100 (in Russian).
Ivanenko, G.S. (2020). Communication in a social network: factors of conflictogenicity. *Jurislinguistics*, 18, 21–25 (in Russian).
Kim, L.G., Golev, N.D. (2008). On the relations of the addressee, the author and the text in the paradigm of linguistic interpretationism. *Siberian Philological Journal*, 1, 144–153 (in Russian).
Kveselevich, D.I. (2005). Explanatory dictionary of profanity of the Russian language: approx. 16000 words. Moscow (in Russian).
Lavitsky, A.A., Dedinkin, A.L. (2021). Dynamics of modern destructive discourse. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 5 (114), 48–55 (in Russian).
Memo on the appointment of a forensic linguistic examination: For judges, investigators, interrogators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers (2004). Edited by prof. M.V. Gorbanevsky. Moscow (in Russian).
Nikishin, V.D. (2020). Objects of forensic linguistic expertise: new challenges of criminogenic Internet communication. *Bulletin of the Kutafin University*, 6(70), 79-88 (in Russian).
Rossiyskaya, E. R., Galyashina, E. I. (2010). The judge's handbook. Forensic examination. Theory and practice, typical questions and non-standard situations. Moscow (in Russian).
Vepreva, I.T., Kupina N.A. (2018). Expert linguistic analysis of a controversial text : textbook.- method. manual. Ekaterinburg (in Russian).

Citation:

Новгородова Е.В. Лингвоправовой характер электронного письма (из практики судебной лингвистической экспертизы) // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 31-36.

Novgorodova E.V. (2022). The Linguistic and Legal Nature of the Email (from the Practice of Forensic Linguistic Expertise). *Legal Linguistics*, 23, 31-36.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Является ли оскорбительной лексема «хач»?

А.В. Флоря

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета

Пр. Мира, 15а, 462404, Орск, Россия. E-mail: alcestofilint@mail.ru

Статья посвящена исследованию лексемы «хач» в функциональном аспекте. В юрислингвистической практике часто приходится иметь дело с этнофолизмами. Лексема «хач» весьма типична для спорных текстов на этнические темы. Не для всех юрислингвистов очевиден его уничижительный характер. Мы считаем эту лексему оскорбительной и обосновываем нашу точку зрения. Автор статьи оспаривает фоносемантическую трактовку отрицательного отношения носителей языка к лексеме «хач»: она будто бы отталкивает своим звучанием, в отличие от имени Иван в той же функции этнонима. Автор статьи приводит примеры того, как имя Иван вызывает у русского человека неприятные эмоции, а также явно позитивные коннотации, связанные с именами, состоящими из тех же звуков, что и «хач». Нельзя также согласиться с мнением, что этноним «хач» объясняется теорией лакунарности, то есть тем, что для обозначения жителей Кавказа нет общеупотребительных слов. В русском языке есть слово «кавказец», которое вовсе не вышло из употребления, что подтверждает Национальный корпус русского языка. Лексема «Хачик» не уничижительна и является уменьшительно-ласкательной, если это имя собственное. Впрочем, говорящие избегают употреблять даже такую форму из-за ее негативных ассоциаций. Нарцательные варианты в качестве неофициальных наименований национальности или национальностей – это деликты, грубые нарушения речевого этикета. Кроме того, он не обязательно относится к определенному – армянскому – народу. Говорящий демонстрирует равнодушие к национальной принадлежности адресата. Кроме того, такие неофициальные этнонимы связаны со стереотипами, часто уничижительными для именуемых народов.

Ключевые слова: юрислингвистика, этнофолизм, оскорбление.

Is the Lexeme “Khach” Offensive?

A.V. Florya

Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University

Mira St. 15a, 462404, Orsk, Russia. E-mail: alcestofilint@mail.ru

The article discusses the study of the lexeme “khach” in the functional aspect. In forensic linguistics practice, one often has to deal with ethnopholisms. The lexeme “khach” is quite typical of controversial texts on ethnic topics. Its derogatory nature is not obvious to all forensic linguists. We consider this lexeme offensive and support our point of view. The author of the article disputes the phonosemantic interpretation of the negative attitude of native speakers to the lexeme “khach”: it seems to repel with its sound, unlike the name Ivan in the same function of the ethnonym. The author of the article gives examples of how the name Ivan evokes unpleasant emotions in a Russian person, as well as clearly positive connotations associated with names consisting of the same sounds as “khach”. It is also impossible to agree with the opinion that the ethnonym “khach” is explained by the theory of lacunarity, that is, by the fact that there are no commonly used words to denote the residents of the Caucasus. Russian has the word “kavkazets” (Caucasian), which has not gone out of use at all, which is confirmed by the National Corpus of the Russian language. The lexeme “Khachik” is not pejorative but diminutive if it is a proper name. However, speakers avoid using even this form because of its negative associations. Generalized variants as unofficial names of an ethnic group or groups are delicts (torts), gross violations of speech etiquette. Moreover, it does not necessarily refer to a certain – Armenian – people. In addition, such unofficial ethnonyms are associated with stereotypes, often derogatory for the named peoples.

Key words: forensic linguistics, ethnopholism, abuse.

Юрислингвисты, занимающиеся экспертизами по делам об оскорблении на национальной почве, постоянно сталкиваются с наименованием «хач(и)».

Его негативная коннотация как будто не нуждается в доказательствах: «Для отрицательной оценки часто используются (...) номинации национальностей и групп населения: *хачики* – вместо *армяне*, *азеры* – вместо *азербайджанцы*, *чурки* – вместо *уроженцы Средней Азии*, *жиды* – вместо *евреи* и т. д.» [Баранов 2009: 458]. Эту лексему даже относят к «языку вражды»: «Полагаем, что в арсенале “языка вражды” находятся следующие категории лексических и фразеологических и соотносимых с ними единиц: номинации с негативным оценочным компонентом, характеризующие лицо или группу лиц со стороны национальности, религии, принадлежности к социальной группе (“чурбан”, “хач”, “русня”)» [Макаров 2015], а также к экстремистскому дискурсу: «К такого рода языковым средствам можно отнести слова или словосочетания, имеющие отрицательную эмоциональную окраску: жаргонные языковые средства, формирующие негативные, оскорбительные характеристики в адрес представителей национальных и расовых групп: хачи, жиды, нигеры (...)» [Коростелева 2015].

Она обычно включается в общий ряд с другими – явно оскорбительными – наименованиями: «Особого внимания заслуживает номинация групп лиц по их национальной и/или расовой принадлежности – “хачи”, “чурки”, “черные” и т. п.» [Бердникова 2019]. (В этом мы многократно убеждались в своей исследовательской практике.)

Но, оказывается, ее негативный характер не всегда самоочевиден, и не всегда бывает легко его обосновать.

Строго говоря, оскорбление – не лингвистическая, а юридическая категория (подробнее см.: [Магерарова 2018; Зиянгирова 2019]). Лингвист может говорить о предпосылках оскорбления – уничижительных, презрительных и иных негативных коннотациях.

Итак, решаем вопрос, является ли лексема «хач» этнофолизмом, т. е. уничижительным названием народа – армянского (или народов – это отдельный вопрос).

Эта лексема не сразу вошла в обиход в окончательном виде. В словаре русского арго:

ХАЧА, -и, **ХАЧЕК**, -а, **ХАЧИК**, -а, м. Т. н. «лицо южной национальности», кавказец [Елистратов 2002].

В словаре М. А. Грачева лексема «хач» определяется следующим образом:

1. Коренной житель Кавказа, Закавказья или Средней Азии (*Скин., фан.*). Эти хачи на всех барахолках пасутся. (Зап. 1996). 2. Смуглый человек (обязательно с черными глазами).

ХАЧИК -а, м. – *Вон этот пацан тебе нравится? – Да, ты же знаешь, что хачики в моем вкусе!* (Зап. 1998) [Грачев 2007: 597].

Здесь важны следующие моменты:

1. Эта номинация не связана исключительно с армянским народом и имеет, таким образом, скорее расовый смысловой оттенок, чем национальный.
2. Эта номинация не сопровождается пометами эмоционально-оттеночного содержания. Указано только, что она имеет отношение к арго и к жаргону скинхедов и фанатов. Можно предположить, что, по крайней мере, у скинхедов эта лексема имеет отрицательную коннотацию. Но сама по себе, вне контекста, она не обладает негативной окраской, и, судя по последней цитате (*хачики в моем вкусе*), может употребляться и в положительном смысле. Впрочем, по нашему мнению, здесь есть оттенок превосходства. Употреблять этнонимы, даже не образованные от имен собственных, в уменьшительной форме, все же не принято: *грузинчик, молдаванчик, еврейчик* и др.

Конечно, нет ничего уничижительного в неэтикетных и диминутивных именах собственных – в именах людей, а не в этнонимах: *Хачик, Ванек, Сашок, Элик (Эльдар* – как во ВГИКе Г.М. Козинцев называл студента Рязанова) и т. п.

Итак, отметим важный момент: данные лексемы – *хач* и *хачик* – следует оценивать в контексте. Однако если они пишутся как нарицательные, их малоуважительная окраска очевидна.

Мы обратимся к одной из экспертиз, получившей известность в юрислингвистической литературе. Это публикация Г.В. Быковой «Оскорбительны ли слова “хачик”, “хач”?» [Быкова 2008].

Прежде всего Г. В. Быкова исходит из теории лакунарности. Лакуной (пропуском) называется отсутствие слова для названия какого-то явления или предмета. В таких случаях объект описывается выражением из нескольких слов. Г.В. Быкова считает типичной лакуной, когда люди, родившиеся и/или живущие на Кавказе, именуется «людьми кавказской национальности» (какой же? – А.Ф.), потому что для них нет названия-слова.

Заметим, что это не так. Например, в словаре Кузнецова:

КАВКАЗЦЫ, -ев; *мн.* Жители, уроженцы Кавказа. <Кавказец, -зца; *м.* Кавказка, -и; *мн. род.* -зок, *дат.* -зкам; *ж.* Кавказский, -ая, -ое [Кузнецов 1998].

В словаре Т.Ф. Ефремовой есть слова «кавказцы» (уроженцы, жители Кавказа), «кавказец», «кавказка».

Более того, это слово необходимо в силу системных отношений языка. В том же словаре дается прилагательное «кавказский» с такими объяснениями:

- Относящийся к Кавказу, *кавказцам*, связанный с ними.
- Свойственный *кавказцам*, характерный для них и для Кавказа.
- Принадлежащий Кавказу, *кавказцам*.
- Созданный, выведенный и т. п. на Кавказе или *кавказцами* [Ефремова 2000].

Слово «кавказец» необходимо для определения других – однокоренных – слов русского языка.

Г.В. Быкова упоминает слово «кавказец», но считает его устаревшим:

«До революции, когда царское правительство вело войну на Кавказе, использовалось слово *кавказец*, которое выражало концепт *живущий на Кавказе* или *военный, служивший на Кавказе*. Среди образованных людей нашего

времени была попытка реанимировать однословное наименование *кавказец* для обозначения концепта *лицо кавказской национальности*».

То есть она не отрицает, что это слово пытались «реанимировать». Но, возможно, его не прекращали использовать?

В НКРЯ [НКРЯ URL] представлено огромное количество примеров со словом «кавказец», относящихся к последним 30 годам:

У мангала в такой же фундаментальной неподвижности стоял темнолицый усатый кавказец, время от времени снимавший с огня готовую порцию мяса [Дмитрий Быков. Орфография (2002)].

Стоящий у другого окна охранник с автоматом – небольшой красивый кавказец, видимо чеченец, похожий на молодого Кларка Гейбла... [Евгений Евтушенко. Волчий паспорт (1999)] и мн. др.

Более ранние примеры:

Вы же имеете несомненное преимущество, потому что в Ваших этюдах о поэтах Вы сами выступаете и как кавказец, человек, близкий по духу к их поэтическим вдохновениям, и как писатель – большой любитель и знаток поэзии, живо чувствующий тот внутренний мир, в котором рождаются стихи [С.А. Дангулов. Тихонов (1981)].

Действительно, завхоз гостиницы, мощный кавказец, обладатель точеного подбородка и очень выпуклых глаз, с которым Анька уже целый месяц «заполняла наряды», ждал ее в дверях своей комнаты [Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975-1977)].

По запросу от 14.04.2021 г. найдено 211 документов, 366 вхождений только словоформы «кавказец» в Им. пад. ед. ч. Другие грамматические формы этого слова мы проверять не стали. Уже по этим примерам ясно, что слово «кавказец» сейчас употребляется достаточно широко, употреблялось и раньше (в советские времена), причем без отрицательных коннотаций.

Затем Г.В. Быкова сообщает, что «экспрессивно-негативное однословное наименование *хачик* (*хач*) – от распространенного армянского имени *Хачик*», и задает вопрос:

«Казалось бы, ничего оскорбительного в этом нет: называет же весь мир русского мужчину Иваном, почему бы не использовать с такой же целью имя Хачик для обозначения мужчины родом с Кавказа и Закавказья? (Кстати, большинство использующих данное слово не соотносят его с именем собственным, т. е. не знают, что это имя собственное)».

Иными словами, наименование «Иван» для русских она не считает оскорбительным или обидным.

Так ли это? Приведем два фрагмента.

– (...) *Слушайте, а почему вы меня зовете Иваном?*

– *Для меня все русские Иваны. Это же замечательно, когда нацию определяют именем. Нас, например, Джонами не называют, а жаль.*

– *Почему?*

– *А потому что мы идем враскосяк, каждый за себя, в нас нет общей устремленности. Вы же монолит, как вам скажут, так и поступаете.*

– *Толстого перечитайте, Пол, Достоевского... Не надо считать нацию сборищем баранов, бессловесно исполняющих приказ. Читайте русскую литературу.*

(Ю. Семенов. ТАСС уполномочен заявить)

Русский человек (Виталий Славин) не то чтобы оскорбляется на слова американского журналиста Пола Дика, отнюдь не враждебного советским людям, хотя критически настроенного по отношению к СССР. Но отмечает в реплике Пола весьма уничижительный смысл, который формулирует так: «*Не надо считать нацию сборищем баранов, бессловесно исполняющих приказ*». Сам Пол не считает свои слова обидными.

Другой фрагмент – оттуда же:

– *Слушайте, Вит, с этим русским пока все не понятно, меня...*

– *Вам непростительно, – перебил Славин, – говорить «с этим русским».*

– *Как у вас это называют? «Великодержавным шовинизмом»? – улыбнулся Пол. – Не сердитесь, у меня плохо с произношением русских фамилий.*

– *Никогда не признавайтесь в этом, Пол, вас обвинят в низком профессионализме, газетчик должен знать имена своих противников – даже если они трудно произносимы. Мы, например, хорошо помним имена наших врагов.*

Эти два фрагмента хорошо иллюстрируют речевую ситуацию, когда высказывания по поводу национальной принадлежности по-разному воспринимаются говорящим и слушающим, относящимися к разным народам. Американец Пол Дик не считает свои слова предосудительными и обидными и даже (в первом случае) пытается представить их как форму уважения. Славин, симпатизирующий ему, не согласен с ним.

Таким образом, уже формулировка «*этот русский*» вместо фамилии (Зотов) воспринимается как довольно неуважительная. Это наименование входит в противоречие с общим смыслом ситуации. Зотова пытаются обвинить в шпионаже, Пол Дик подозревает здесь провокацию против него. Фразой «*С этим русским не все понятно*» он фактически говорит: «Я не доверяю официальной версии, что этот человек (Зотов) – шпион».

Недостаточное уважение проявляется в нежелании выяснять, как человека зовут на самом деле, и использовать его имя, как неудобное для произношения.

Тем более обидны заявления типа «*Для меня все русские Иваны*», «*Как вам скажут, так и поступаете*». Говорящего не интересуется, каковы русские на самом деле.

Теперь вернемся к статье Г.В. Быковой.

«Однако на уровне подсознания слова *Иван* и *Хачик* не являются равнозначными. Дело в том, что «две национальные культуры никогда не совпадают полностью. Это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов» (Комлев, 1966, с. 43-50). То, что в одной культуре воспринимается как нечто хорошее, приятное, в другой может вызывать прямо противоположные впечатления, ощущения (т. е. ассоциации)».

Исследовательница даже подчеркивает курсивом наиболее важное для нее уточнение: «на уровне подсознания». Это, на наш взгляд, ставит под сомнение корректность ее дальнейших рассуждений. В них возникают элементы субъективности.

Мы согласны с тем, что одни и те же слова и др. могут в разных культурах вызывать различные и даже противоположные ассоциации. Но *могут* – не значит *всегда* и *обязательно* вызывают.

Далее у Г.В. Быковой следует аргументация с опорой на фоносемантику. Звучание имени *Иван* у русских людей вызывает положительные эмоции, а «распространенное армянское имя *Хач* (*Хачик*) неслучайно выбрано носителями русской жаргонной подсистемы в качестве обозначения *лиц кавказской национальности* с негативной эмоциональной оценкой, потому что на уровне подсознания данный звуковой комплекс производит впечатление чего-то *отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, темного, низменного, грубого* и т. д.».

Проведем эксперимент – охарактеризуем с точки зрения фоносемантики по таблицам А.П. Журавлева [Журавлев 1974] диминутивный (уменьшительно-ласкательный) вариант имени Александр – *Саша*. В скобках даны степени проявления того или иного качества. Около и более 1 – качество выражено достаточно сильно.

Звук [с] – светлый (0,7), нежный (0,58), медлительный (0,5), тихий (0,8), минорный (0,6), печальный (0,54), устрашающий (0,25), зловещий (0,91).

Звук [ш] – медлительный, тихий (1,7), минорный (1,01), печальный, темный (1,45), тяжелый, тоскливый, угрюмый, устрашающий (1,17), зловещий.

Итак, имя *Саша*, судя по согласным, должно для русского слуха звучать как печальное, мрачное с ярко выраженными оттенками угрозы. Что мешает такому восприятию? Может быть, звук [а]?

Звук [а] – прекрасный (1,48), светлый, нежный, радостный, возвышенный (1), бодрый, яркий, сильный, суровый. Он есть и в имени *Хач* (*Хачик*), то есть должен и в нем нести положительные коннотации.

Итак, если имя *Саша* не производит на носителей русского языка мрачного и угрожающего впечатления, то почему его должны производить варианты *Хач* и *Хачик*? (Первая – сокращенная, вторая – уменьшительно-ласкательная.)

У одного из самых обаятельных героев советского кино – шофера Рубика из «Мимино» Г. Данелия – была фамилия *Хачикян*, и никому не приходило в голову усматривать в ней что-то «отталкивающее, страшное» и т. п. По ходу сюжета Рубика в гостинице перепутали с профессором *Хачикяном*.

Возможно, Г. Данелия таким образом намекает на распространенность и репрезентативность этой фамилии – как если бы русского шофера *Иванова* перепутали с профессором *Ивановым*. Для синекдохического обозначения русских не случайно выбрано имя *Иван*, и, вероятно, так же не случайно для обозначения армян выбраны производные от имени *Хачатур* (или от фамилии *Хачатурян*) – *Хач* и *Хачик*. Фамилия *Хачатурян* образована от одного из крестильных имен и означает: «носитель креста» [Унбегаун 1989: 286], таким образом, имя *Хачатур* имеет самое почтенное происхождение. Мы полагаем, что ничего оскорбительного не содержат и его варианты.

Как видим, приведенные Г.В. Быковой аргументы не подходят для обоснования оскорбительности употребления этих имен. Тем не менее они действительно воспринимаются как негативные.

Таким образом, Г.В. Быкова считает, что лексемы *хач* и *хачик* оскорбительны, но для обоснования этого положения прибегает к фоносемантике, действующей (будто бы) на подсознание.

Из этого вытекают некоторые неконструктивные следствия.

1. Такой подход выводит юрислингвистику в сферу чрезмерно субъективного, хотя именно для этой науки, от которой зависят человеческие судьбы, требуется четкость, корректность и объективность критериев.

2. Также данный подход делает последствия речевого общения непредсказуемыми и расширяет возможности юридического произвола. Например, я назову ученика или соседского ребенка *Сашей*, а он оскорбится, потому что ему звучание этого имени покажется мрачным и угрожающим.

3. С другой стороны, такой подход подрывает возможность оценить ответственность людей за свои слова. Люди не носят с собой таблицы Журавлева, не заглядывают в них, чтобы оценить степень негативности звучания слов, которое может травмировать собеседника. Поэтому человек, явно желающий оскорбить кавказцев, называя их *хачами*, всегда может возразить: «А почему я должен знать, какое фоносемантическое впечатление производит наименование *хач*?» И он будет прав.

Тем не менее, носители языка чувствуют, что *хач* и *хачик* воспринимаются негативно.

Сделаем еще одно уточнение: совершенно по-разному воспринимаются имя собственное *Хачик*, использованное в отношении знакомого по имени *Хачатур*, и нарицательное *хачик* как неофициальный этноним. Но мы допускаем даже, что первое скомпрометировано вторым и что русские могут воздерживаться от именованья *Хачиками* Хачатуров – друзей или детей. Но это касается только диминутива. Не имеющая диминутивного суффикса лексема *хач* – безусловно, не имя человека, а этноним, причем довольно грубый.

Вернемся к цитате из А.Н. Баранова, уже в полном виде. «Для отрицательной оценки часто используются альтернативные по отношению к нейтральным номинации национальностей и групп населения: *хачики* – вместо *армяне*, *азеры* – вместо *азербайджанцы*, *чурки* – вместо *уроженцы Средней Азии*, *жиды* – вместо *евреи* и т. д.» [Баранов 2009: 458]. Однако этот набор наименований показывает, насколько они неоднородны. *Хач(ик)* – синекдохическое употребление человеческого имени, *азер* – апокопа, сокращенное название национальности, *чурка* – вульгарно

оскорбительная характеристика человеческих качеств (тупость, примитивность, якобы присущие данным этносам), *жид* – искаженный этноним, давно ставший уничижительным. Здесь трудно установить единый критерий, по которому мы относим их к отрицательным номинациям.

Но А.Н. Баранов подсказывает один объективный признак, на который можно опираться. Это номинации, *альтернативные* по отношению к нейтральным. Этот признак не достаточен, но необходим. Его можно сформулировать еще иначе: несоответствие речевому этикету (речевой этикет – не обязательно нейтральная форма речи).

Скажем еще несколько слов об «Иванах». Эта номинация, при некоторой уничижительности, имеет коннотацию уважения, которое испытывает говорящий вопреки собственным ожиданиям.

Например, в шлягере «Лили Марлен» Г. Ляйпа в переводе И. Бродского:

*Лупят ураганным – боже помоги!
Я отдам Иванам шлем и сапоги,
Чтоб разрешили мне взамен
Стоять вдвоем под фонарем
С тобой, Лили Марлен.*

Солдат вермахта проявляет личную слабость, он готов сдаться «Иванам», от которых он раньше не ожидал, как они умеют воевать.

Еще ярче этот смысл проявляется в цитате из И.Л. Андроникова:

*Аллегорично название и другой ленты – «Иван». Имя одного человека, ставшее нарицательным в дурном смысле, заново переосмыслено Довженко: «Вот на что способны Иваны» («Поэзия Довженко»), т. е. на героические трудовые свершения: фильм – о строительстве Днепрогэса. Здесь имя *Иваны* дано от имени западных недоброжелателей Советского Союза.*

Зато явно уничижительную коннотацию имеют неэтикетные названия народов, как, например, Ванька, вариант с диминутивом – уменьшительным, но не ласкательным суффиксом.

*Мы народ Ванек-встанек
Нас не бог уберег.
Нас давили, топтали
Столько разных сапог.
Они знали: мы Ваньки,
Нас хотели покласть,
А о том, что мы встаньки,
Забывали, платясь.*

В этом тексте Е. Евтушенко («Ванька-встанька») еще содержится смысл национального уважения. «*Ванька-встанька*» годится даже для агнонима (неофициального наименования нации), но это возможно только с компонентом «*встанька*» (*Мы народ Ванек-встанек*), а без него обладает исключительно презрительной коннотацией (*Они знали: мы Ваньки* – так думали надменные враги).

И вовсе откровенно уничижительно выглядит диминутив в песне про капитана Каталкина (В. Маликов) – антипода комиссара Каттани:

*Мы, сеньори, скузи, тоже не Ваньки,
Есть у нас в Союзе круче мужики.
Тож не Ваньки – значит не примитивные, не лаптем щи хлебаем и т. п.*

Ванек, от которого образованы *Ваньки*, – такой же неэтикетный и диминутивный вариант имени *Иван*, как *Хачик* – вариант имени *Хачатур*.

Далее Г.В. Быкова, пытаясь выйти на объективную стезю, ссылаясь на различных авторов, высказывает мысль, не вызывающую возражений:

«Восприятие и усвоение информации зависит от готовности людей принять ее воздействие. (...) В условиях социальной нестабильности, обычно после событий, вызвавших мощный негативный резонанс в обществе (например, война в Чечне, террористические акты, спровоцированные кавказскими боевиками, или накануне каких-то значительных общественных или экономических изменений), когда повышается внушаемость отдельных слоев населения (а сейчас это пенсионеры и молодежь как самые социально незащищенные), ассоциативные реакции на отдельные слова могут актуализироваться».

Иначе говоря, на отрицательное восприятие отдельными слоями населения лексем *хач*, *хачик* влияет не только звучание этих лексем, но и социальные условия. К этим социальным условиям мы бы добавили соответствующий уровень культуры и воспитания тех, кто готов испытывать неприязненные чувства к армянам, кавказцам как таковым.

И.А. Стернин, излагая материалы для психолингвистического толкового словаря современного русского языка, констатирует, что лексемы *хач* и *хачик* употребляются в различных контекстах то как презрительные, то как неодобрительные (то есть, вероятно, это связано в первом случае с их общим восприятием, во втором – с их делами). Есть еще *хачонок* – разговорно-сниженное, бранное [Стернин 2013].

Таким образом, можно сделать вывод, что общее восприятие этих лексем – несомненно отрицательное, но характер, степень их негативности (сниженное, бранное, неодобрительное, презрительное) зависит от контекста.

Но почему же эти лексемы следует воспринимать как отрицательные? Это нам помогут установить приведенные

выше примеры из романа Ю. Семенова «ТАСС уполномочен заявить», где честный и порядочный американский журналист, *не настроенный враждебно по отношению к русским людям, называет их Иванами*. Это *не язык вражды*, однако он вызывает протест у его русского собеседника. Пол Дик выражает не враждебность, не презрение к русским, но определенное высокомерие. Он транслирует на русских американские стереотипы (предрассудки, заблуждения): «*Вы же монолит, как вам скажут, так и поступаете*». На что Славин довольно резко ему отвечает: «*Не надо считать нацию сборищем баранов, бессловесно исполняющих приказ*», хотя Пол не говорил ни о каких «баранах».

Главное здесь, впрочем, не предрассудки и стереотипные взгляды на ту или иную нацию, которые практически неизбежны, а *нежелание знать* подлинное положение вещей в связи с этим народом.

Также необходимо обратить внимание, что Пол Дик говорит о русских, называя их *Иванами*, но не задумывается, что есть советские люди разных национальностей. Более чем вероятно, что украинцы, белорусы или даже молдаване для него такие же «*русские Иваны*».

Людям бывает весьма обидно, когда игнорируется их национальная идентичность (мы не утверждаем, что это свойственно всем, но такая закономерность существует), особенно когда это делается демонстративно («я не просто не знаю, но *не желаю* знать»). Лексемы *хач*, *хачик* нередко употребляются именно в таком контексте.

Разумеется, это унижение человеческого достоинства – одна из форм *вербальной агрессии* [Щербинина 2006], но еще *не языка вражды*.

Итак, резюмируем.

1) Следует различать имя собственное *Хачик* и неофициальный этноним *хачик*. Недиминутивный вариант *хач*, особенно пишущийся со строчной буквы, – только этноним.

2) Наименование кавказцев не является лакуной и не требует восполнения из жаргона.

3) Лексемы *хач* и *хачик* имеют жаргонное происхождение.

4) Эти лексемы репрезентативны. Определенная (малотолератная или просто невоспитанная) часть населения не называет всех армян (или всех кавказцев) *Рубиками*, *Гариками* или *Фрунзиками*, но по какой-то причине называет *Хачиками*.

5) Эти лексемы являются деликтами (нарушениями цивилизованной речевой коммуникации), из чего еще не следует, что они оскорбительны. Они относятся к деликтам потому, что происходят из жаргона.

6) Эти лексемы приобретают уничижительный оттенок в контексте, который прежде всего связан с высокомерием, пренебрежением к народу (народам) и с навязыванием стереотипов – как правило, ложных.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2009.

Бердникова Т.В. Семантика слов с элементом черн- и их оценка при проведении лингвистической экспертизы (на материале комментариев интернет-пользователей) / Юрислингвистика. – 2019. – № 12. – С. 18-21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-slov-s-elementom-chern-i-ih-otsenka-pri-provedenii-lingvisticheskoy-ekspertizy-na-materiale-kommentariyev-internet-polzovateley/viewer>.

Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/>

Быкова Г.В. Оскорбительны ли слова «хачик», «хач»? / Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, Барнаул, 2008. С. 292-297. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorbitelny-li-slova-hachik-hach-1/viewer>.

Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2007.

Елистратов В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980–1990 гг.). URL: <http://gramota.ru/slovari/argjo/>

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://traduko.lib.ru>.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.

Зиянгирова Е.Л. Юридизация лексем естественного языка как один из основных процессов терминологической лексики метаязыка юрислингвистики / Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 1. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridizatsiya-leksem-estestvennogo-yazyka-kak-odin-iz-osnovnyh-protsessov-terminologicheskoy-leksiki-metayazyka-yurislingvistiki/viewer>.

Коростелева Т.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллюстрация, прагматика / Юрислингвистика. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika/viewer>.

Магерасова Ю.Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Научный диалог. – 2018. – №7. – С. 93-102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-lingvisticheskie-protivorechiya-v-traktovke-ponyatiya-oskorblenie/viewer>.

Макаров В.И. Национальные прозвища в зеркале контекста / Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prozvischa-v-zerkale-konteksta/viewer>.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

Стернин И.А. Неполиткорректные наименования лиц в языковом сознании носителя языка / Политическая лингвистика. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepolitkorrektnye-naimenovaniya-lits-v-yazykovom-soznanii-nositelya-yazyka/viewer>.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.

Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М., 2006.

References

- Baranov, A.N. (2009). Linguistic examination of the text. Moscow (in Russian).
- Berdnikova, T.V. (2019) Semantics of words with the element black- and their evaluation during linguistic expertise (based on the comments of Internet users). *Legal Linguistics*, 12, 18-21. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-slov-s-elementom-chern-i-ih-otsenka-pri-provedenii-lingvisticheskoy-ekspertizy-na-materiale-kommentariyev-internet-polzovateley/viewer> (in Russian).
- Bykova, G.V. (2008). Are the words "khachik", "khach" offensive? *Jurislinguistics-9: Truth in language and law: interuniversity collection of scientific papers*. Kemerovo, Barnaul, 292-297. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorbitelny-li-slova-hachik-hach-1/viewer> (in Russian).
- Efremova, T.F. (2000). *New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational*. Moscow. Available from: <http://traduko.lib.ru> (in Russian).
- Elistratov, V.S. (2002) *Dictionary of Russian Argot (materials 1980-1990)*. Available from: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (in Russian).
- Grachev, M.A. (2007). *Dictionary of modern youth jargon*. Moscow (in Russian).
- Korosteleva, T.V. (2015). Extremist discourse: signs, illocution, pragmatics. *Legal Linguistics*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika/viewer> (in Russian).
- Large explanatory dictionary of the Russian language (1998). / Ch. ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg. Published in the author's edition in 2014. Available from: <http://gramota.ru/slovari/> (in Russian).
- Mageramova, Yu.Yu. (2018). Legal and linguistic contradictions in the interpretation of the concept of "abuse". *Scientific Dialogue*, 7, 93-102. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-lingvisticheskie-protivorechiya-v-traktovke-ponyatiya-oskorblenie/viewer> (in Russian).
- Makarov, V.I. (2015). National nicknames in the context mirror. *Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prozvischa-v-zerkale-konteksta/viewer> (in Russian).
- National corpus of the Russian language. Available from: <https://ruscorpora.ru/new/> (in Russian).
- Shcherbinina, Yu.V. (2006). *Verbal aggression*. Moscow (in Russian).
- Sternin, I.A. (2013). Politically incorrect names of persons in the linguistic consciousness of a native speaker. *Political Linguistics*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepolitkorrektnye-namenovaniya-lits-v-yazykovom-soznanii-nositelya-yazyka/viewer> (in Russian).
- Unbegaun, B.O. (1989). *Russian surnames*. Moscow (in Russian).
- Zhuravlev, A.P. (1974). *Phonetic meaning*. Leningrad (in Russian).
- Ziyangirova, E.L. (2019). The juridification of natural language lexemes as one of the main processes of terminological vocabulary of the metalanguage of legal linguistics. *Bulletin of Bashkir University*, 1, 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridizatsiya-leksem-estestvennogo-yazyka-kak-odin-iz-osnovnyh-protsessov-terminologicheskoy-leksiki-metayazyka-yurislingvistiki/viewer> (in Russian).

Citation:

Флоря А.В. Является ли оскорбительной лексема «хач»? // *Юрислингвистика*. – 2022. – 23. – С. 37-43.

Florya A.V. (2022). Is the Lexeme "Khach" Offensive? *Legal Linguistics*, 23, 37-43.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за разглашение государственной тайны со времен Древней Руси до 1996 года

В.Е. Баранов¹, В.Р. Овчаров², А.С. Мананников³

¹*г. Чита. E-mail: vebaranov@bk.ru*

²*Московская область, г. Видное. E-mail: ovladr@mail.ru*

³*Алтайский государственный университет*

Пр. Социалистический, 68, 656049, г. Барнаул. E-mail: anton1992asu@mail.ru

Статья посвящена исследованию основных этапов становления отечественного законодательства об уголовной ответственности за разглашение государственной тайны с 1397 по 1996 год (в периоды с 1397 до 1917 гг., с 1917 по 1943 гг. и с 1943 по 1996 гг.) Характерной особенностью первого и второго этапа развития уголовной ответственности за разглашение государственной тайны является то, что отдельной нормы, предусматривающей ответственность за данное преступление лицами не из числа военнослужащих, не было. Кроме того, некоторые деяния, квалифицируемые в качестве разглашения, ранее приравнивались к шпионажу и влекли значительно более суровое наказание, чем в настоящее время.

Второй этап характеризовался введением в 1943 году в УК РСФСР 1926 года самостоятельной статьи, предусматривающей ответственность за разглашение государственной тайны и за утрату содержащих ее документов должностными лицами, не являющимися военнослужащими. До 1958 года она претерпела несколько изменений, после чего вошла в УК РСФСР 1960 года, где просуществовала до окончания своего действия в 1996 году в неизменном виде. Указанная норма стала основой для статьи, действующей в настоящее время.

Авторами выявлены основные тенденции его уголовного законодательства в исследуемой сфере, а также причины проблем технико-юридического характера и правоприменительной практики действующей редакции ст. 283 УК России.

Ключевые слова: государственная тайна, разглашение, развитие законодательства.

The Development of Domestic Criminal Legislation on Liability for Disclosure of State Secrets from the Time of Ancient Rus to 1996

V.E. Baranov¹, V.R. Ovcharov², A.S. Manannikov³

¹*Chita. E-mail: vebaranov@bk.ru*

²*Moscow region, Vidnoye. E-mail: ovladr@mail.ru*

3 Altai State University

68 Socialistichesky st., 656049, Barnaul. E-mail: anton1992asu@mail.ru

The article discusses the main stages of development of domestic legislation on criminal liability for disclosure of state secrets from 1397 to 1996. Within the periods from 1397 to 1917, from 1917 to 1943 and from 1943 to 1996 the characteristic feature of the first and second stages of the development of criminal responsibility for the disclosure of state secrets is that there was no separate norm

providing for responsibility for this crime for the persons beyond the military. In addition, some acts qualified as disclosure were previously equated to espionage and entailed much harsher penalties than at present. The second stage was characterized by the introduction in 1943 of an independent article to the Criminal Code of the RSFSR of 1926, providing for responsibility of officials who are not military personnel for the disclosure of state secrets and for the loss of documents containing them. It underwent several changes before 1958, after which it entered the Criminal Code of the RSFSR 1960.

Key words: *state secret, disclosure, development of legislation.*

Государственная тайна как сведения, распространение которых представляет угрозу безопасности государства, является одной из составляющих суверенитета страны, и актуальность ее защиты сомнений не вызывает. В свете последних политических и международных событий изучение вопросов отнесения той или иной информации к государственной тайне, а также вопросы ответственности за ее разглашение приобретают новое звучание. Изучение истории установления уголовной ответственности за указанное деяние будет способствовать выявлению причин современных проблем правоприменительной практики и конструкций норм, предусмотренных статьями 275, 276, 283, 283.1, 284 и, в какой-то степени, п. «б» ч. 2 ст. 215 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также – УК РФ).

Древняя Русь – начало XX века

Дошедшие до нас правовые акты Древней Руси, а также акты Российского централизованного государства показывают, что в праве того времени отсутствовало как законодательное определение государственной тайны (далее – ГТ), так и описание сути этого понятия.

В качестве одного из первоисточников можно назвать Псковскую Судную грамоту 1397 г. Там впервые употребляется понятие «перевет» или «измена» (ст. 7) [Титов 1997: 57] – «Вора, совершившего кражу в Крому, конокрада, изменника и поджигателя лишать жизни». Дальнейшее развитие мер ответственности за преступления против государственной власти происходит в Судебнике 1497 г., в ст. 9 которого отражаются особо опасные преступления против государства. Среди них можно выделить «крамолу» (верховную измену) и «подым» (подстрекательство к бунту): «А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью».

Значительной вехой в процессе становления мер уголовно-правовой защиты государственно значимой информации в России стало Соборное уложение 1649 г. В отличие от предыдущих правовых документов в нем более подробно определяются виды государственных преступлений, которым отдельно посвящена гл. II «О государской чести и как его государское здоровье оберегать», которая практически полностью посвящена рассмотрению форм государственной измены.

Так, Соборное уложение 1649 г. предусматривало ответственность за пособничество врагам царя (п. «б» ст. 2 гл. II): «...кто царьского величества с недруги учнет дружитца..., и помочь им всячески чинить», а также «учнет... советными грамотами ссылатца». При этом вопрос о разглашении государственной тайны (далее – РГТ) в Уложении, как ранее в Судебниках, не ставился. Ввиду ограниченности понятия ГТ в тот период, отсутствия его формализации, специального выделения такой нормы не требовалось. При этом следует согласиться с тем, что во второй главе Соборного уложения приведена «если не исчерпывающая, то относительно полная система государственных преступлений» [Тельберг 1912: 50]. Отсюда следует, что широко трактуемое в то время понятие государственной измены охватывало и РГТ.

Уголовное право Российской империи не оперировало понятием «разглашение государственной тайны», включая данные деяния или в состав шпионства (понятие того времени) – выдачу военных тайн (далее – ВТ), или в сообщении сведений о них иностранному правительству [Абрамович-Барановский 1902]. При этом дифференцировался шпионаж в мирное время и в военное время. Шпионаж в военное время в тот период входил в понятие военной измены.

В проекте уголовного уложения, создание которого началось в 1754 г. при императрице Елизавете Петровне, комиссией определялось: «Кто Нашему Императорскому Величеству и государству изменит и против Нашего Величества вооружится, или город изменою сдаст и за зарубежных или иных государств людей для измены же примет, или с неприятелями Нашей империи о государственных делах, подлежащих тайности, письменную пересылку иметь будет или фальшивые изменнические ведомости, через которые бунт или возмущение в народе произойти может, или кто словами, делом или письмами к бунту и возмущению причину подаст, – и таких изменников казнить смертию – четвертовать» [Есипов 1906: 45]. Проект этот, однако, не был утвержден императрицей. Но указанный материал вместе с некоторыми другими указами лег в основу свода законов Российской империи (изд. 1832 и ред. 1842 г.), в котором содержался запрет должностным лицам разглашать ГТ, за нарушение – каторга или смертная казнь.

Результаты анализа законодательства в области уголовно-правовой защиты государственных секретов дореволюционной России показывают, что впервые эти вопросы документально прослеживаются в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В нем имелся раздел «О преступлениях государственных», где перечислялся следующий круг деяний, относящихся к РГТ и государственной измене:

сообщение российским подданным «государственных тайн иностранному правительству»;

сообщение российским подданным «государственных тайн» подданным неприятельного государства;

злоупотребление доверием дипломатическим или иным чиновником «с умыслом в явный вред для отечества» и др. [Рабкин, 2006].

В ст. 275 Уложения впервые за всю историю российского законодательства дается широкое понятие государственной измены:

«сообщение неприятелю плана крепости, порта, гавани, арсенала, или же укрепленного или иного стана (лагеря), или тех мест, где происходят военные действия, или дает известия о расположении и движении войск, или о состоянии армии и других средствах нападения или обороны...» [Вапренин 1985: 170-172].

Кроме этого, в Уложении впервые говорится и о РГТ, хотя напрямую слово «разглашение» не употребляется. Так, ст. 278 гласит: «Кто из российских подданных откроет какую-либо государственную тайну иностранным, хотя и не враждебным с нею державам, или сообщит им планы российских крепостей или иных укрепленных мест, или гаваней, портов, арсеналов, или опубликует сей план без дозволения правительства», тому наказание – лишение всех прав, состояния и ссылка в отдаленные места Сибири.

К ГТ по Уложению относилась информация о планах российских крепостей, или иных укрепленных мест, или гаваней, портов, арсеналов; служебная и промышленная информация. Столь широкая типология объясняется кодификацией уголовного закона в начале XIX в. Среди достижений этого закона необходимо отметить именно дополнение ГТ новыми элементами: «план», «гавань», «арсенал», «порт», «состояние армии», «расположение и движение войск», судебной и промышленной информацией [Бородина 2014].

Также следует обратить внимание и на ст. 280 Уложения, в которой говорилось о разглашении сведений, которые могли причинить ущерб государству. В статье говорилось: «Кто из российских подданных будет иметь тайную переписку с подданными неприятельных государств, хотя и без намерения вредить своему отечеству, но однако же столь неосторожно и нескромно, что неприятель может сообщаемыми ему в переписке сведениями воспользоваться для успеха своих предприятий против России». Наказание по данной статье предусматривало заключение в крепость сроком от полугода до года.

Следующим этапом в становлении ответственности за РГТ является 1866 г., который знаменуется редактированием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Хотя содержание статей, устанавливающих ответственность за разглашение охраняемой информации, значительно не изменилось, на них все-таки стоит обратить внимание.

Статья 256 установила ответственность за «сообщение правительству или агенту иностранной державы, не находящейся в войне с Россией, или опубликует план, рисунок, документ или копии с оных, или же сведения, долженствующие заведомо для виновного в видах внешней безопасности храниться в тайне от иностранного государства» [Бородина 2014: 56].

В 1885 г. вышла новая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Указанное Уложение о наказаниях предусматривало наказание за *шпионство*. Состав преступления ст. 256 включал «открытие российским подданным какой-либо государственной тайны иностранным державам...», что наказывалось ссылкой на поселение в отдаленнейших местах Сибири. В случае «открытия чиновником государственных тайн иностранным правительствам с намерением (то же наказание) или без намерения, по неосторожности» предусматривалось наказание по ст. 425 Уложения в виде исключения из службы и заключения в крепость на 4–8 месяцев.

22 марта 1903 г. был Высочайше утвержден новый закон – Уголовное уложение [Новое уголовное уложение. Высочайше утверждено 22 марта 1903 г. 1903], устанавливавший для военнослужащих повышенную ответственность за шпионаж в мирное время. Предусматривалось наказание вплоть до смертной казни за передачу иностранному правительству или агенту, а равно и опубликование вверенных по службе или полученных по служебному положению сведений (планы, чертежи и иные сведения), если виновный заведомо осознавал, что данное деяние «должно было или могло иметь особо вредные для внешней безопасности России последствия» [Абрамович-Барановский 1902].

Уголовное уложение 1903 г., в отличие от ранее действовавшего Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., устанавливало существенно более детальный перечень государственных преступлений, а также усилило наказание за их совершение. Новое Уголовное уложение, расширяя понятие «шпионаж», дифференцировало его для тех, кто занимался шпионажем, либо разглашал секретные сведения без официального допуска к ним, либо незаконно получал ГТ.

В п. 5 комментария к Уголовному уложению 1903 г. – «Виды тайн» – впервые в законе дано определение ГТ, под которой понималась «тайна порядка управления или имеющая общегосударственное значение» [Таганцев 1904]. К ней принадлежат:

- 1) заведомо «подлежащие хранению в тайне правительственные распоряжения»;
- 2) тайны, касающиеся внешней безопасности России, т.е. тайны, оглашение коих предусмотрено как государственная измена;
- 3) тайны дипломатические;
- 4) тайны воинские [Бородина 2014].

Обращает на себя внимание письмо от 2 августа 1906 г. № 991 от П. Столыпина Государю, в котором он докладывает о результатах расследования случая разглашения Российским телеграфным агентством секретных данных о доставке на Амур десяти канонерских лодок и принятии мер по недопущению таких случаев [Российский государственный военный архив. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1224. Л. 1-4].

Перед Первой мировой войной интенсивность разведывательной деятельности резко возросла. В связи с этим государства усилили слежку за военными приготовлениями друг друга, в то же время охраняя свою ГТ. Отсюда следовало ужесточение контроля за соблюдением ее сохранности и наказания за разглашение. Действовавшее в

России, как и в европейских странах, правовое регулирование в данной сфере стало отставать от потребностей жизни. Началась ревизия уголовного права в сторону усиления ответственности за хищение военных тайн.

Особенностью правового регулирования было отсутствие перечня сведений, составляющих ГТ. Существовали лишь отдельные группы сведений с грифом секретности: планы укрепленных районов, крепостей и т. п., тактико-технические характеристики военных кораблей, сведения о мобилизационных ресурсах, расположении частей [Дудник 2016].

В то же время вплоть до 1912 г. шло постоянное совершенствование понятия шпионажа. При этом Перечень секретных сведений впервые был разработан в 1912 г. в связи с принятием нового закона «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» [Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е № 37724]. Вслед за этим РГТ фактически приобрело статус «соприкасающихся с шпионством преступных деяний» [Трегубов 1913: 9].

С началом Первой мировой войны 10 июля 1914 г. был издан Указ «Об утверждении Временного положения о военной цензуре», вводивший контроль над печатной продукцией, а также просмотр корреспонденции в целях пресечения разглашения ВТ [Балабанов, Гиляров 2013: 48-52]. Последний в Российской империи Перечень был издан 26 января 1914 г. в составе 10 статей и касался в основном мобилизационных мероприятий.

В 1917 г. уже Временное правительство приняло Перечень сведений, не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных сношений, а также Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой, которые были введены в действие совместно с новыми положениями о военной цензуре и военном почтово-телеграфном контроле. Данные документы содержали сведения как о военных, так и о социально-экономических фактах и событиях, запрещенные к опубликованию.

Основные вехи развития уголовного законодательства о разглашении государственной тайны с 1397 до 1917 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Развитие уголовного законодательства о разглашении государственной тайны до 1917 года

Дата, НПА	Содержание (либо суть изменений)	Комментарий
1397 г. Псковская Судная грамота	В ст. 7 впервые употребляется понятие «перевета» или «измены».	Формы измены в данном документе не раскрываются.
1497 г. Судебник 1497 года	В ст. 9 отражаются особо опасные преступления против государства, среди которых можно выделить «крамолу» (верховную измену) и «подым» (подстрекательство к бунту)	Понятие шпионажа и РГТ не давалось
1649 г. Соборное Уложение 1649 года	Более подробно определяются виды государственных преступлений, которым отдельно посвящена глава «О государской чести и как его государское здоровье оберегать». Предусматривается ответственность за пособничество врагам царя (п. «б» ст. 2 гл. II).	Вопрос о разглашении государственной тайны в Уложении не ставился.
1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.	В Уложении преступлениям против безопасности государства был посвящен раздел «О преступлениях государственных», где перечислялся круг деяний, относящихся к разглашению государственной тайны и государственной измене. В ст. 275 впервые дается понятие государственной измены. Статья 278 устанавливает ответственность за «открытие какой-либо государственной тайны иностранным не враждебным державам».	Впервые говорится и о РГТ. Термин «разглашение» не употребляется.
1885 г. Новая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных	Вышеуказанное Уложение о наказаниях предусматривало наказания за шпионство. Состав преступления ст. 256 включал «открытие российским подданным какой-либо государственной тайны иностранным державам...», что наказывалось ссылкой на поселение в отдаленнейших местах Сибири.	В данной редакции Уложения вопросы разглашения государственной тайны прямо не рассматривались, но анализ статей 256, 425 Уложения указывает, что государство уже в тот период ставило под защиту вопросы государственной тайны.
1903 г. Уголовное уложение 1903 года	Новое Уголовное уложение, расширяя понятие «шпионаж», дифференцировало его для тех, кто занимался шпионажем либо разглашал секретные сведения без официального допуска к ним, либо незаконно получал сведения, составлявшие государственную тайну. В пункте пять комментария к Уголовному	В целом, вопросы разглашения государственной тайны, включались в понятие «шпионаж», который, в свою очередь, считался разновидностью государственной измены (IV глава Уложения 1903 г.).

	уложению 1903 г. – «Виды тайн» – впервые в законе дано определение государственной тайны, под которой понимается <i>«не всякая тайна, а лишь тайна порядка управления или имеющая общегосударственное значение»</i> .	
1917 г. Перечень сведений, не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных сношений, Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой	Временное правительство приняло «Перечень сведений, не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных сношений», а также «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой», которые были введены в действие летом 1917 г. совместно с новыми положениями о военной цензуре и военном почтово-телеграфном контроле от 26 июля 1917 г.	Данные документы содержали как военные, так и социально-экономические факты и события, запрещенные к опубликованию.

В Российской империи система защиты ГТ не была централизованной. Различные министерства самостоятельно прилагали усилия по обеспечению ее сохранности. При этом Департамент полиции славился системой конфиденциального делопроизводства, а МИД и Военное министерство имели достижения в области криптографии [Чертопруд URL]. Создание эффективной и централизованной системы защиты государственной и служебной тайны относится уже к советскому периоду нашей истории.

1917–1943 гг.

После окончания Гражданской войны в связи с провозглашенным курсом перехода на начала «революционной законности» усилилась роль высших органов государственной власти в законодательном регулировании большинства общественных отношений, что выразилось в кодификации советского законодательства в период 1922–1926 гг.

Наряду с усилением законодательной защиты ГТ 5 мая 1921 г. был организован Восьмой специальный отдел ВЧК. С 6 февраля 1922 г. 8-й спецотдел при ВЧК стал называться спецотделом при ГПУ-ОГПУ-ГУ ГБ НКВД СССР. Первое отделение этого спецотдела занималось «наблюдением за всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны». Именно спецотдел являлся головной организацией, координирующей все мероприятия по защите ГТ, хотя основной его задачей была разработка руководящих документов, регламентирующих различные аспекты организации защиты ГТ [Зеленов 2012: 144].

Усиление государственно-правового начала в регулировании защиты государственно значимой информации началось с принятия Декрета СНК РСФСР от 13 октября 1921 г., которым был утвержден Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению [Кудряшов 2006: 60]. В соответствии с ним все сведения подобного рода подразделялись на две группы – военного и экономического характера.

В советский период развитие законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за РГТ, шло неравномерно. Это прежде всего было связано с практически полной ликвидацией права Российской империи и отсутствием основных нормативно закрепленных понятий в данной сфере на первом этапе существования Советского государства, изменением общественных отношений в период Великой Отечественной войны и осложнением международной обстановки после ее окончания. Относительной стабильности и неизменности изучаемое законодательство достигло лишь в 1960-е гг. с принятием УК РСФСР 1960 г.

После 25 октября 1917 г. в течение почти пяти лет не существовало единого уголовного закона. Уголовно-правовые нормы содержались в принимаемых по необходимости декретах, которые намечали лишь общие и главные направления политики государства в области борьбы с преступностью. Однако понятие шпионажа появилось уже в первые годы существования советской власти. О необходимости беспощадной борьбы со шпионажем говорится в подписанном В.И. Лениным обращении Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности» [Декреты Советской власти 1957: 490-491] и в Декрете СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах» [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. / Управление делами Совнаркома СССР 1943:190-193].

Несмотря на то, что в стране не была выстроена система защиты ГТ, не было соответствующего понятийного аппарата, указанными актами была предусмотрена ответственность за шпионаж и РГТ.

Через полтора года – 6 октября 1918 г. постановлением Кассационного отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О подсудности революционных трибуналов» было дано определение только понятия шпионажа, под которым с этого времени подразумевались «оглашение, передача военных тайн, стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контрреволюционным

организациям, сношение с ними с целью вызвать иностранное вмешательство, враждебное интересам республики» [Агузаров, Грачева, Чучаев 2015: 23].

Таким образом, часть случаев РГТ фактически охватывалась объективной стороной шпионажа. При этом отдельного состава преступления (или определения понятий «государственная тайна», «государственные секреты», «разглашение») к этому моменту еще не было.

Не появилось оно и к 20 ноября 1919 г., когда деяния, совершенные военнослужащими и военнопленными, связанные с «б) шпионством ... ж) разглашением секретных сведений и документов ... и) похищением или уничтожением секретных планов и других секретных документов», были отнесены к компетенции революционных военных трибуналов [Собрание узаконений РСФСР1919: № 58].

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. советское уголовное законодательство о борьбе со шпионажем и с разглашением государственной и ВТ получило дальнейшее развитие.

Статьей 66 была введена следующая норма: «Участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче, сообщении или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям в контрреволюционных целях или за вознаграждение, карается – высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже 5 лет со строгой изоляцией от общества и конфискацией имущества.

Оглашение тех же сведений при отсутствии контрреволюционных или корыстных целей и неосведомленности о возможных последствиях таковой деятельности карается – лишением свободы на срок не ниже 3 лет».

При этом новым в УК РСФСР 1922 г. в данной сфере было введение статей, предусматривающих ответственность за разглашение должностными лицами не подлежащих оглашению сведений (ст. 117) и за превышение военным начальником пределов своей власти или бездействие без злого умысла, но повлекшее за собой разглашение тайн, стратегических планов или другие особо важные последствия (ст. 209).

Кроме того, в главу о воинских преступлениях УК 1922 г. была включена самостоятельная норма, предусматривающая ответственность военнослужащих за шпионаж, совершенный в военное время (ст. 213).

14 августа 1925 г. Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров СССР было принято специальное постановление «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению» [О шпионаже... URL], изменившее ст. 66 УК РСФСР 1922 г.

Указанным постановлением в список адресатов шпионажа (тех, кому сведения передавались) были добавлены частные лица. Это фактически поглощало собой РГТ и оно становилось частным случаем шпионажа. За указанные деяния была предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок не менее 3 лет, а квалифицированный состав предусматривал особо тяжкие последствия для интересов государства (не только наступившие, но и возможные) и наказывался расстрелом.

В этом постановлении впервые в советском уголовном законодательстве дано определение предмета рассматриваемого преступления – указано, что специально охраняемой ГТ считаются сведения, перечисленные в публикуемом особом перечне СНК СССР [Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 г. «Об утверждении Перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной»].

При принятии УК РСФСР 1926 г. статья, предусматривающая ответственность за шпионаж (ст. 58 .10), вошла в него в редакции постановления от 14 августа 1925 г.

Кроме общего шпионажа УК РСФСР 1926 г. содержал: ст. 193.16 «Военный шпионаж», которая не предусматривала ответственности за передачу информации частным лицам; ст. 121 (расширенная ст. 117 УК РСФСР 1922 г.), предусматривающую ответственность за разглашение, сообщение, передачу или собирание в целях передачи должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению; ст. 193.12 (измененная ст. 209 УК РСФСР 1922 г.), которая в ч. 2 и 3 предусматривала ответственность должностного лица командного состава за превышение прав или злоупотребление ими, повлекшее разглашение тайн или стратегических планов.

Положение о воинских преступлениях, утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. [Положение... URL], в ст. 24 (шпионаж) и ст. 25 (впервые введенное РГТ) к предмету преступления отнесло сведения о вооруженных силах и об обороноспособности СССР, являющиеся специально охраняемой тайной, а также военные сведения, не подлежащие оглашению, но не являющиеся специально охраняемой тайной. Квалифицированный состав предусматривал наступление «особо тяжелых последствий» и влек высшую меру социальной защиты. Привилегированный состав предусматривал в качестве наказания применение мер дисциплинарного характера.

Статья 25 установила ответственность военнослужащих за разглашение государственной и ВТ, а также за разглашение военных сведений, не подлежащих оглашению, но не являющихся специально охраняемой ГТ. Именно в ней прослеживается отграничение этого состава от контрреволюционных преступлений и разглашения военных сведений, не являющихся ГТ [Мазуров 2001: 7].

Основные вехи развития уголовного законодательства о разглашении государственной тайны в 1917–1943 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Развитие уголовного законодательства о разглашении государственной тайны в 1917–1943 гг.

Дата, НПА	Содержание (либо суть изменений)	Комментарий
04.05.1918 г. Декрет СНК	К компетенции революционных трибуналов отнесены дела о шпионаже.	Понятие шпионажа и РГТ не давалось.

«О революционных трибуналах»		
20.11.1919 г. Декрет ВЦИК «Положение о Революционных Военных трибуналах»	К компетенции Революционных Военных трибуналов отнесены дела: о совершенных военными служащими «шпионаже», «разглашении секретных сведений и документов», «похищении или уничтожении секретных планов и других секретных документов» с контрреволюционными целями.	Понятие шпионажа и РГТ не давалось, впервые появилась формулировка «разглашение».
1922 г. УК РСФСР	Ст. 66 УК дала определение шпионажу, в который входила и передача государственной тайны контрреволюционным организациям; этой же статьей устанавливалась ответственность за оглашение ГТ при отсутствии контрреволюционных или корыстных целей и неосведомленности о возможных последствиях. Ст. 117 УК введена ответственность за разглашение должностными лицами не подлежащих оглашению сведений, а ст. 209 – за превышение военным начальником своей власти или бездействие его без злого умысла, но повлекшее... разглашение тайн, стратегических планов.	Передача ГТ контрреволюционным организациям по ст. 283 УК РФ – частный случай РГТ, а в 1922 г. – шпионаж. Общее РГТ (по ст. 283 УК России сегодня) – привилегированный вид шпионажа.
14.08.1925 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению»	Уточнено понятие шпионажа. Дано понятие «специально охраняемой государственной тайны». Введена ответственность за «собрание экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны» и передача их за вознаграждение или безвозмездно организациям и лицам.	В понятие шпионажа вошла передача ГТ частным лицам.
1926 г. УК РСФСР	Понятие шпионажа не изменилось; расширена объективная сторона ст. 121 (бывшая 117) – дополнена «собранием в целях передачи», ст. 193.12 почти совпала со ст. 209, ч. 3 введен особо квалифицирующий признак – совершение действий из корыстных или иных личных побуждений.	
27.07.1927 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об утверждении Положения о воинских преступлениях»	П. 17 уточнил ст. 193.12 о должностных преступлениях начальствующего состава РККА ... если они имели своим последствием ... разглашение военных тайн... или ... заведомо могли их иметь или были совершены в военное время либо в боевой обстановке. Подп. «б» и «в» предусмотрели квалифицированные и привилегированные составы. П. 24 установил ответственность за «военный шпионаж» (адресатом не могло быть частное лицо). П. 25 ввел санкцию за РГТ в военной области, квалифицирующим признаком была заведомая возможность особо тяжких последствий или их наступление. Ч. 3 наказывала разглашение ВТ, не являющейся ГТ, а привилегированный состав «наличие смягчающих обстоятельств» влек применение дисциплинарных мер.	Впервые описана объективная сторона РГТ, но лишь в военной области. Произошло разграничение военного шпионажа и разглашения государственной тайны в военной области (применительно к гражданским лицам такого разграничения до 1943 года не было).

Таким образом, характерной особенностью рассмотренного этапа развития уголовной ответственности за РГТ является то, что отдельной нормы, предусматривающей ответственность за данное преступление, не было. Некоторые деяния, квалифицируемые в настоящее время в качестве разглашения, приравнивались к шпионажу и влекли значительно более суровое наказание, чем в настоящее время.

Положительным опытом, по нашему мнению, целесообразно считать введение ответственности за передачу информации контрреволюционным организациям, которая оценивалась как шпионаж.

В преломлении к современной правовой реальности такую ответственность, как разновидность государственной измены или квалифицированный состав РГТ, возможно ввести за передачу ГТ любым преступным объединениям: организованным группам, преступным сообществам, незаконным вооруженным формированиям, террористическим сообществам, террористическим организациям и др.

1943–1996 гг.

В 1943 году произошел коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, у государственных органов после огромной работы по эвакуации и налаживанию производства появилась возможность завершить начатые в 1942 году проверки состояния обеспечения сохранности военной и государственной тайны на предприятиях, в учреждениях и ведомствах СССР. В этот период продолжалась работа по недопущению распространения в печати и по радио секретных сведений, в разное время этого года запрещено опубликование: полного имени командиров полков и выше, а в отдельных родах войск от роты и выше; наименования населенных пунктов, где идет бой, а также результатов военной операции; сведений об использовании стального нагрудника, винтовочной агитационной гранаты, огнеметов, трофейной техники с немецкими опознавательными знаками; сведений о формировании и применении гвардейских минометных бригад; слова «катюша», если это связано с изобретением тов. Костикова; сроков лечения и восстановления по отдельным видам ранений в полевых условиях; сведений о восстановлении на освобожденных территориях заводов, станций, портов. Нарушения запрета публикации последних сведений приводили к бомбардировкам указанных объектов через считанные дни после выхода в свет номеров изданий.

Часть материалов могла быть опубликована только по специальному разрешению, к таким материалам, например, относились статьи по вопросам боевых действий, авторами которых были генералы. Требовалось разрешение ЦК ВКП (б). Информация о смерти генералов Красной Армии могла предаваться гласности только на основании правительственных сообщений [Куренков 2019: 85-93].

Поэтому следующим этапом развития законодательства об ответственности за РГТ без признаков шпионажа было принятие 15 ноября 1943 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну» [Ведомости Верховного Совета СССР 1943: № 49]. Новая редакция нормы, предусматривающей ответственность за РГТ, явилась основой для формирования современной редакции ст. 283 УК РФ.

Данный Указ впервые ввел самостоятельную статью, предусматривающую ответственность за РГТ и за утрату содержащих ее документов должностными лицами, не являющимися военнослужащими. Нормой предусматривалось наказание до 5 лет лишения свободы, а при наличии или возможности наличия тяжких последствий – до 10 лет.

Субъектом данного преступления могли являться и частные лица, которые несли ответственность за разглашение сведений, заведомо являющихся ГТ (лишение свободы на срок до 3 лет).

Впервые при описании предмета преступления использовано словосочетание «сведения, составляющие государственную тайну». Оно, по нашему мнению, было оправдано в то время, поскольку нормативного определения ГТ не существовало. В настоящее же время данная конструкция приводит к излишнему употреблению термина «сведения, составляющие» и неэкономному использованию текста уголовного закона, поскольку в определении ГТ (ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне») термин «сведения» уже содержится.

С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» [Ведомости Верховного Совета СССР 1947: № 20 (474)] утратили силу соответствующие положения об уголовной ответственности по Указу 1943 г., а также п. «а» ст. 25 Положения о воинских преступлениях 1927 г. Указ не был включен в УК союзных республик, и деяния квалифицировались со ссылкой на него.

Указ установил ответственность за: РГТ лицами, которым были доверены эти сведения или которые могли получить их в силу своего служебного положения (наказание – заключение в исправительно-трудовой лагерь (далее – ИТЛ) на 8–12 лет); разглашение военнослужащими ГТ военного характера (заключение в ИТЛ на 10–20 лет); разглашение ГТ частными лицами (заключение в ИТЛ на 5–10 лет); заявку или передачу за границу изобретений, открытий и технических усовершенствований, составляющих ГТ, сделанных в пределах СССР, а также за границей гражданами СССР, командированными государством (заключение в ИТЛ на 10–15 лет). В каждом составе имела приписка «поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж», что имеется и в действующей редакции ст. 283 УК РФ.

Указ Президиума Верховного Совета СССР устанавливал дифференцированную ответственность за РГТ в зависимости от субъекта преступления. Наибольшую опасность представляли случаи разглашения, совершенные военнослужащими. В то время они все в той или иной мере являлись обладателями государственной и ВТ. Разглашение ими этих сведений в условиях обострившейся «холодной войны» могло привести к особо тяжелым последствиям. Поэтому одной из важнейших обязанностей военнослужащих, которая предусмотрена в тексте военной присяги и воинских уставах, являлась обязанность строго хранить государственную и ВТ [Мазуров 2001: 9].

В данной редакции статьи усматривается еще больше сходства с современной – субъект преступления в части первой весьма схож с субъектом преступления по ст. 283 УК РФ 1996 г. (в ред. до 2012 г.).

Отличием по субъекту от современной редакции является наличие ч. 3, которая устанавливает ответственность за РГТ, совершенное не специальным, а общим субъектом – частным лицом.

При этом в конструкции ч. 3 исключено описание интеллектуального элемента субъективной стороны – осознания лицом того, что разглашаемые сведения являются ГТ («заведомости»). Такое решение законодателя представляется верным. Включение интеллектуального элемента в данной редакции излишне. Поскольку если лицо не представляло общественной опасности своих действий и из обстоятельств не должно было их представлять, то оно и не будет нести уголовную ответственность (аналогично с институтом невиновного причинения вреда – ст. 28 УК РФ).

Следующим документом, оказавшим влияние на правоприменительную практику, явилось издание 6 января 1950 г. постановления Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». Примечательно, что оно издано менее чем через три года после введения статьи в действие, что явилось хорошей помощью правоприменителю в разрешении имевшихся на тот момент коллизий и проблем.

Следует отметить, что с принятия УК РФ 1996 г. (более 24 лет) аналогичного постановления Верховным судом Российской Федерации до сих пор не принято.

Новый этап в развитии нормотворчества по вопросу защиты государственных и военных секретов наступил с принятием 25 декабря 1958 г. законов «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и «Об уголовной ответственности за воинские преступления» [Дьяков, Самойленко 1984: № 11]. Законы устранили чрезмерную жесткость предыдущей редакции статей и значительно сократили сроки наказания за РГТ и утрату документов, ее содержащих.

Статья 23 Закона «Об уголовной ответственности за воинские преступления» (позже ст. 259 УК РСФСР 1960 г.) дифференцировала ответственность за разглашение ВТ в зависимости от характера сведений (составляют они или не составляют ГТ), а также в зависимости от последствий разглашения этих сведений. Кроме того, была предусмотрена ответственность за простой и квалифицированный виды утраты документов, содержащих сведения военного характера, составляющие ГТ [Слободанюк 2005: 36].

Для понимания предмета преступления по рассматриваемым статьям и его современных проблем следует помнить, что в советское время нормативного определения ГТ не существовало, а сама она была частью государственных секретов, в которые также входила и служебная тайна. Разновидностью государственной и служебной тайны являлась военная тайна, которая по своему содержанию охватывала сведения военного характера/

Сведения, составляющие ГТ, устанавливались Перечнем главнейших сведений, составляющих ГТ, и открытым Перечнем сведений, составляющих ГТ, утверждаемым Советом Министров СССР, а также Перечнем сведений, подлежащих засекречиванию, относящихся к деятельности соответствующего министерства, госкомитета, ведомства и вытекающих из Перечня главнейших сведений, составляющих ГТ.

Понятна логика законодателя по защите государственных секретов. Им была установлена ответственность за РГТ и разглашение ВТ, не относящейся к государственной.

В указанной редакции положения законов вошли в УК РСФСР 1960 г. в виде статей:

75 «Разглашение государственной тайны»,

76 «Утрата документов, содержащих государственную тайну»,

76.1 «Передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну» (введена Указом Президиума ВС РСФСР от 30 января 1984 г.);

259 «Разглашение военной тайны или утрата документов, содержащих военную тайну». Они существовали фактически в неизменном виде до принятия УК РФ 1996 г.

В рассмотренный период достигнута стабильность законодательства об ответственности за РГТ, норма в редакции Закона 1958 г., вошедшая в УК РСФСР 1960 г. и почти в той же редакции в УК РФ 1996 г. Исключением является объективная сторона – она окончательно стала материальной.

Основные вехи развития уголовного законодательства о разглашении государственной тайны в 1943–1996 гг. представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Развитие уголовного законодательства о разглашении государственной тайны в 1943–1996 гг.

Дата, НПА	Содержание (либо суть изменений)	Комментарий
15.11.1943 г. Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну»	Появилась самостоятельная статья об ответственности за РГТ. Использовано сочетание «сведений, составляющих ГТ». К субъекту РГТ добавлено частное лицо. Описан интеллектуальный элемент субъективной стороны преступления.	Норма явилась основой для современной редакции статьи.
09.06.1947 г. Указ Президиума	При описании субъекта преступления использовано словосочетание «которым были	Терминология еще более схожа с современной редакцией ст. 283

ВС СССР от года «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»	доверены эти сведения или которые могли получить эти сведения в силу своего служебного положения». При описании объективной стороны дано указание «поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж». Введен квалифицированный состав со специальным субъектом – военнослужащим и предметом – ГТ военного характера.	УК России при описании как субъективной, так и объективной стороны.
25.12.1958 г. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления	Уточнен состав РГТ. Существенно снижены размеры наказания. Квалифицированный состав предусмотрел ответственность за тяжкие последствия, наступившие неосторожно. Частные лица перестали быть субъектами РГТ.	Состав совпадает с редакцией ст. 283 УК России до 2012 г., кроме указания на последствие – «достоянием других лиц».
25.12.1958 г. Закон об уголовной ответственности за воинские преступления	Введена ответственность военнослужащих за разглашение военной тайны (в том числе, не являющейся государственной тайной) или утрату документов, содержащих военную тайну. Введена дисциплинарная ответственность за привилегированный состав (наличие «смягчающих обстоятельств»).	В УК России аналогичного состава не имеется, режима военной тайны до настоящего времени не существует.
1960 г. УК РСФСР	В УК РСФСР 1960 года статьи Законов об уголовной ответственности за воинские и государственные преступления вошли полностью, став статьями: 75, 76, 259 УК.	
30.01.1984 г. Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении изменений и дополнений в УК и УПК РСФСР»	Введена ст. 76.1, которая предусматривала ответственность за передачу иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну.	В настоящее время ответственность за передачу аналогичной информации (гриф – «секретно»), которая теперь является ГТ, указанному адресату карается ст. 275 УК России «государственная измена».

Становление отечественного законодательства об уголовной ответственности за РГТ прошло длительный путь, в процессе которого шло постепенное, временами противоречивое изменение. При этом цель с большей или меньшей политической и идеологической составляющей оставалась одна – обеспечение безопасности государства от внешних посягательств.

О научных исследованиях вопросов уголовно-правовой характеристики разглашения государственной тайны и понятия «государственная тайна»

В юридической литературе первые теоретические обоснования государственной тайны и ответственности за ее разглашение появляются в работах ученых-юристов периода 1947-1956 годов. Это, прежде всего, научные труды В.Д. Меньшагина, М.А. Шнейдера, П.Ф. Гришанина, Х.М. Ахметшина и др.

В.Д. Меньшагиным были написаны несколько статей, в которых раскрывались отдельные теоретические вопросы уголовно-правовой характеристики разглашения государственной тайны. В частности, понятие разглашения, под которым он понимал совершение лицом таких деяний, в результате которых названные сведения, находившиеся в обладании данного лица, становятся или могут стать достоянием других лиц [Меньшагин 1946: 114-115].

Первым в СССР на базе Военно-юридической академии РККА в 1952 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук по теме «Уголовная ответственность военнослужащих за разглашение государственной и военной тайны по советскому военно-уголовному праву» [Ахметшин 1952] советский и российский правовед Х.М. Ахметшин. На наш взгляд, данная работа, обладая несомненными достоинствами, весьма политизирована. Автором, например, указано, что в основе диссертации «гениальные указания Ленина и Сталина о капиталистическом окружении, о необходимости всемерного укрепления внешней безопасности и обороноспособности...». Также автора не смущает чрезмерная жесткость статей того времени. Он считает Указ 9 июня 1947 года «весьма действенным средством по предупреждению преступлений, посягающих на сохранность государственной и военной тайны», по его мнению, указ имеет огромное значение в деле воспитания «высокой революционной бдительности к проискам американо-английских поджигателей войны, чувства ответственности за укрепление внешней безопасности и обороноспособности своей Родины».

В диссертации критически рассматриваются определения понятия разглашения государственной тайны и его объективных признаков, даваемые в работах отдельных советских криминалистов. Например, в редакции нормы того времени не предусматривалось, что разглашенные сведения должны «стать достоянием других лиц», и Х.М. Ахметшин дискутирует об этом с Б.С. Утевским, который считал, что для окончательного состава разглашения

необходимо, чтобы сведения стали достоянием других лиц. Х.М. Ахметшин, считая его позицию ошибочной, исходя из действующей в то время редакции, высказывает мнение, что при разглашении последствием преступного деяния следует считать восприятие или возможность восприятия разглашенных сведений другими лицами. Кроме того, по его мнению, разглашение государственной и военной тайны может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Также Х.М. Ахметшин предлагал ввести в уголовное законодательство состав, предусматривающий ответственность за нарушение установленных правил обращения, пользования и хранения документов, содержащих государственную тайну, когда эти действия повлекли или могли повлечь наступление тяжких последствий (кроме случаев разглашения государственной тайны и утраты документов, ее содержащих) [Ахметшин 1952: 10-13].

Отсутствие законодательного определения государственной тайны привело к тому, что советскими учеными-правоведами оно формулировалось самостоятельно, при этом не всегда учитывались обязательные в настоящее время формальный и материальный ее критерии (формальный – отнесение сведений к перечню; материальный – возможность нанесения ущерба безопасности от их распространения).

Н.Д. Дурманов относил к государственной тайне «...важные для Советского государства сведения, которые в интересах нашей Родины должны быть известны только строго определенному кругу лиц» [Дурманов 1942: 3] (формулирует лишь материальный критерий). Только через материальный критерий государственная тайна определяется и Большой советской энциклопедией: «сведения государственной важности, не подлежащие оглашению» [Большая Советская энциклопедия 1952: 296]. При этом, например, В.Д. Меньшагин использовал только формальный критерий и сводил государственную тайну лишь к сведениям, перечисленным в специальном Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР от 27 апреля 1926 года [Меньшагин 1946: 114-115].

Другая группа авторов уже предлагала при определении понятия государственной тайны указывать как на формальные моменты, так и на существо самих сведений: «Государственную тайну составляют сведения об открытиях, изобретениях и усовершенствованиях или иного рода сведения, которые по своему содержанию могут быть использованы в ущерб интересам внешней безопасности и обороноспособности Советского государства и перечислены в специальном перечне, утвержденном Советом Министров СССР» [Ахметшин 1952: 16].

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

1. С появления государства Российского и до 1922 г. наказание за РГТ отдельной охранительной нормой не предусматривалось. Оно поглощалось понятиями «шпионаж» и «государственная измена».

2. На первом этапе развития советского законодательства об уголовной ответственности за РГТ в 1917–1943 гг. не было отдельной нормы, предусматривающей ответственность за данное преступление. Некоторые деяния, квалифицируемые в настоящее время как разглашение, приравнивались к шпионажу и влекли значительно более суровое наказание.

3. Советским государством в 1943–1984 гг. было закончено формирование системы защиты государственной, военной и служебной тайны. В части уголовно-правовых средств она предусматривала ответственность за:

разглашение государственной тайны (при распространении информации с грифом «совершенно секретно» и «особой важности» – ст. 75 УК РСФСР);

передачу служебной тайны иностранным организациям (при распространении информации с грифом «секретно» – ст. 76 1 УК РСФСР);

разглашение военной тайны, не являющейся государственной (при распространении информации с грифом «секретно» и пометкой «для служебного пользования» – ст. 259 УК РСФСР).

4. С распадом Советского Союза вся правовая система Российской Федерации была преобразована под нужды современных общественных отношений. Нормативные правовые акты претерпели различные изменения, при этом их взаимное соответствие достигалось не всегда. В 1993 г. Закон Российской Федерации «О государственной тайне» признал государственной тайной сведения, имеющие гриф «секретно». Это повлекло ужесточение наказания за разглашение информации, которая ранее считалась служебной тайной. При этом на долгие годы была оставлена в уголовно- и административно-правовом плане «беззащитной» ВТ, которая не является государственной. Лишь 11 июня 2021 года Федеральным законом № 172-ФЗ Федеральный закон «Об обороне» был дополнен статьей 3.1 «Служебная тайна в области обороны», что позволило применять нормы административного законодательства к ее защите.

5. Основные проблемы современной правоприменительной практики и нормативно-правового регулирования разглашения государственной тайны происходят из нормативных правовых актов, изданных в СССР, и связаны:

с отсутствием понятия государственной тайны практически в течение всего периода существования Советского Союза, что позволило сформулировать предмет преступления, используя словосочетание «сведений, составляющих государственную тайну», которое нуждается в коррекции ввиду наличия нормативного определения государственной тайны в законодательстве Российской Федерации;

с отсутствием в советском уголовном праве разделения ответственности за умышленное и неосторожное РГТ, что в современных условиях позволяет неправильно трактовать ст. 283 УК РФ и не привлекать к уголовной ответственности за это деяние, совершенное по неосторожности;

с окончательным переходом в 1958 г. на описание субъекта преступления как специального, что не позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, не подпадающих под признаки субъекта преступления, но осознающих общественную опасность совершаемого деяния (например, тех, кто распространил информацию, осознавая, что это деяние наказуемо: журналисты, блогеры и т. п.).

б. В качестве положительного опыта, который может быть использован при совершенствовании системы защиты ГТ в целом и уголовной ответственности за ее разглашение в частности, можно учесть следующее.

Во-первых, возможность конструирования такого элемента состава, как субъект преступления без описания специального субъекта либо с разграничением уголовной ответственности, как это было сделано в 1943–1960 гг., когда была установлена повышенная ответственность для лиц, которым ГТ была доверена или стала известна по службе или работе.

Следует отметить, что исключение из статьи описания специального субъекта не повлечет привлечение к уголовной ответственности за РГТ любого лица. В этом случае необходимость доказывания интеллектуального момента субъективной стороны будет обязывать устанавливать факт того, что лицо понимает общественную опасность деяния. Указанное возможно лишь в случае, если лицо ранее имело допуск к ГТ или знакомилось с предписаниями нормативных правовых актов в сфере ее защиты.

Литература

- Абрамович-Барановский С.* Шпионаж в мирное время по современным законодательствам / Право. – 1902. – № 16, 17.
- Агузаров Т.К., Грачёва Ю.В., Чучаев А.И.* Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки. М., 2015.
- Ахметшин Х.М.* Уголовная ответственность военнослужащих за разглашение государственной и военной тайны по советскому военно-уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1952.
- Большая Советская энциклопедия. М., 1952.
- Бородина М.И.* Отечественное законодательство о закреплении государственной измены и шпионажа как преступлений против государства в период до 1917 г. / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 5.
- Гиляров Е.М., Балабанов С.П.* Государственно-правовое обеспечение информационной функции в истории России / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов, 2013. Ч. 1. № 3 (29).
- Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
- Дудник С.М.* Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, в XVII–XX вв. / Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 3.
- Дурманов Н.Д.* Государственная и военная тайна. М., 1942.
- Дьяков С., Самойленко П.* Изменения и дополнения Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 г. / Социалистическая законность. – 1984. – № 11.
- Есипов В.В.* Уголовное право Часть особенная Преступления против государства и общества. М., 1906.
- Зеленов М.В.* Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.) / Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 1.
- Иванов Н.М.* Ответственность за государственные преступления. Ч. 2. М., 1965.
- Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) / Рос. газ. – 1993. – 25 декабря.
- Кудряшов А.В.* Институт военной тайны: проблемы становления и развития. М., 2006. Т. 14.
- Куренков Г.А.* Защита государственной и военной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны. М., 2019.
- Мазуров В.А.* Уголовно-правовая защита тайны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001.
- Меньшагин В.Д.* Преступления против обороны СССР. М., 1946, С. 114–115.
- Меньшагин В.Д.* Уголовная ответственность за разглашение государственной тайны / Труды ВЮА. – 1951. – Вып. XIII.
- Новое уголовное уложение Высочайше утверждено 22 марта 1903 г. СПб., 1903.
- О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июня 1993 г. № 5485-1 / Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 38, ст. 1480.
- О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению. URL: <http://www.consultant.ru/Cons/Cgi/Online.Cgi?R eq=Doc&Base=Esu&N=5551#07017992275366312>
- Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. / Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – № 20 (474).
- Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 г. / Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 49.
- Об утверждении Перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной: Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 г.

- Об утверждении Перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной: постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 27 апреля 1926 г. / Собр законодательства СССР. 1926. № 32, ст. 213.
- Об утверждении Положения о воинских преступлениях: постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 27 июля 1927 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17189#018185035.83841773>
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. № 37724.
- Положение о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г.: Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 58.
- Прохоров В.С, Солодкин И.И.* Государственная тайна, в ее многообразии. М. 1961.
- Рабкин В.А.* Исторический генезис правового регулирования защиты государственной тайны в России / Информационное право. – 2006. – № 4.
- Российский государственный военный архив. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1224.
- Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. П.П. Вапренина. М., 1985. Т. 6.
- Слободанюк И. А.* Развитие уголовного законодательства об ответственности военнослужащих за посягательства на режим сохранности государственной и военной тайны. М., 2005.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.
- Таганцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904.
- Тельберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.
- Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1997.
- Трегубов С.Н.* Шпионство и соприкасающиеся с ним преступные деяния по закону 5 июля 1912 г. / Журнал Министерства юстиции. – 1913. – Февраль.
- Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
- Чертопруд С.В.* Зарождение и развитие системы защиты государственной тайны в Советском Союзе с 1918 по 1930 г. URL: <http://www.agentura.ru/press/censura/secret-ussr>

References

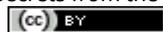
- About espionage, as well as about the collection and transfer of economic information that is not subject to disclosure. Available from: http://www.consultant.Ru/Cons/Cgi/Online.Cgi?R_eq=Doc&Base=Esu&N=5551#07017992275366312 (in Russian).
- Abramovich-Baranovsky, S. Espionage in peacetime according to modern legislation. (1902). Pravo. No. 16, 17. (in Russian).
- Aguzarov, T.K., Gracheva, Yu.V., Chuchaev, A.I. (2015). State crimes in the criminal law of Russia in the twentieth century: historical and legal essays. Moscow (in Russian).
- Akhmetshin, H.M. (1952). Criminal liability of military personnel for disclosure of state and military secrets under Soviet military criminal law: abstract. diss. ... cand. law. Moscow (in Russian).
- Borodina, M.I. (2014). Domestic legislation on the consolidation of treason and espionage as crimes against the state in the period before 1917. Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 5 (in Russian).
- Collection of laws and orders of the government for 1919 (1943). Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. Moscow (in Russian).
- Decrees of the Soviet government. (1957). Moscow, Vol. 1 (in Russian).
- Dudnik, S.M. (2016). The development of domestic criminal legislation on liability for illegal receipt of information constituting a state secret in the XVII-XX centuries. Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law, 3 (in Russian).
- Durmanov, N.D. (1942). State and military secrets. Moscow (in Russian).
- Dyakov, S., Samoilenko, P. (1984). Amendments and additions to the Law "On Criminal liability for State crimes" of December 25, 1958. Socialist legality, № 11 (in Russian).
- Esipov, V.V. (1906). Criminal law is a special part of Crimes against the state and society. Moscow (in Russian).
- Gilyarov, E.M., Balabanov, S.P. (2013). State-legal support of information function in the history of Russia. Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice: in 2 parts. Tambov, Part 1, 3 (29) (in Russian).
- Ivanov, N.M. (1965). Responsibility for state crimes. Part 2. Moscow (in Russian).
- Kudryashov, A.V. (2006). Institute of Military Secrets: problems of formation and development. Moscow, Vol. 14 (in Russian).
- Kurenkov, G.A. (2019). Protection of state and military secrets. Glavlit during the Great Patriotic War. Moscow (in Russian).
- Mazurov, V.A. (2001). Criminal-legal protection of secrecy : abstract dis. ... cand. jurid. sciences. Tomsk (in Russian).

- Menshagin, V.D. (1946). Crimes against the Defense of the USSR. Moscow, 114-115 (in Russian).
- Menshagin, V.D. (1951). Criminal liability for disclosure of state secrets. Proceedings of the VUA, XIII (in Russian).
- On approval of the List of information that is a specially protected state secret in its content: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of April 27, 1926 (in Russian).
- On approval of the Regulations on military crimes: resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of July 27, 1927. Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17189#018185035.83841773> (in Russian).
- On responsibility for the disclosure of state secrets and for the loss of documents containing state secrets: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 9, 1947. (1947). Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. No. 20 (474) (in Russian).
- On responsibility for the disclosure of state secrets and the loss of documents containing state secrets: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of November 15, 1943. (1943). Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR, No. 49 (in Russian).
- On State Secrets : Law of the Russian Federation No. 5485-I of June 21, 1993. (1993). Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation dated September 21, No. 38, article 1480 (in Russian).
- On the approval of the List of information that, by its content, is a specially protected state secret: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of April 27, 1926. (1926). Collected Legislation of the USSR, No. 32, Art. 213 (in Russian).
- Prokhorov, V.S., Solodkin, I.I. (1961). State secret, in its diversity. Moscow (in Russian).
- Rabkin, V.A. (2006). The historical genesis of the legal regulation of the protection of state secrets in Russia. Information Law, 4 (in Russian).
- Regulations on Revolutionary military tribunals of November 20, 1919: Collection of laws of the RSFSR. 1919. № 58 (in Russian).
- Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / edited by P.R. Vaprenina. (1985). Moscow, Vol. 6 (in Russian).
- Russian State Military Archive. F. 970. Op. 3. d. 1224 (in Russian).
- Slobodanyuk, I.A. (2005). The development of criminal legislation on the responsibility of military personnel for encroachments on the regime of state and military secrecy. Moscow (in Russian).
- Tagantsev, N.S. (1904). Criminal Code of March 22, 1903. St. Petersburg (in Russian).
- Tchertoprud, S.V. The origin and development of the system of protection of state secrets in the Soviet Union from 1918 to 1930. Available from: <http://www.agentura.ru/press/censura/secret-ussr> (in Russian).
- Telberg, G.G. (1912). Essays on the political court and political crimes in the Moscow State of the XVII century. Moscow. The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 3-E. No. 37724 (in Russian).
- The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). Russian Gas. 1993. December 25 (in Russian).
- The Criminal Code of the Russian Federation: Feder. the law grew. Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. (1996). Sobr. legislation of the Russian Federation. No. 25, article 2954 (in Russian).
- The Great Soviet Encyclopedia. (1952). Moscow (in Russian).
- The new criminal code was highly approved on March 22, 1903. (1903). St. Petersburg (in Russian).
- Titov, Yu.P. (1997). A textbook on the history of state and law of Russia. Moscow (in Russian).
- Tregubov, S.N. (1913). Espionage and criminal acts in contact with it under the law of July 5, 1912. Journal of the Ministry of Justice, February (in Russian).
- Zelenov, M.V. (2012). Military and state secrets in the RSFSR and the USSR and their legal support (1917-1991). Leningrad Law Journal, 1 (in Russian).

Citation:

Баранов В.Е., Овчаров В.Р., Мананников А.С. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за разглашение государственной тайны со времен Древней Руси до 1996 года // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 44-57.

Baranov V.E., Ovcharov V.R., Manannikov A.S. (2022). The Development of Domestic Criminal Legislation on Liability for Disclosure of State Secrets from the Time of Ancient Rus to 1996. Legal Linguistics, 23, 44-57.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 20.03.2022 г.

Дата публикации издания 31.03.2022 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2022